

ЛУЧА
МИКРОКОЗМА

О Д Ъ

ВЛАДИКЕ ЦРНОГОРСКОГЪ

ПЕТРА ПЕТРОВИЋА

НЪГОША.

~~Ex~~ of 11. *G. S. Politt*

Р. Ср III 3201

ЛУЧА

МИКРОКОЗМА

О Д Ъ

ВЛАДЫКЕ ЦРНОГОРСКОГА

ПЕТРА ПЕТРОВИЋА

НЪГОША.

У БЕОГРАДУ

КНЯЖЕСТВА СРБСКОГА КЊИГОПЕЧАТЊОМЪ,

1845.

А. П. В. Л.

МИХАИЛ РОКОВА

1880

Изд. Ср.

СВЯТЫЙ ПЕТРЪ
И ПАВЪЛЪ
ВЪ СЕВЕРНОМЪ
ПЕТЕРБУРГѢ

ВЫДАНО
Кс. Г. Михайлову
1880

1881

ПОСВЕЋЕНО

Г. С. МИЛУТИНОВИЋУ.

(На Цетинію 1. Маія 1845.)

Да, свагда ми драгій наставниче!
Србскій пѣвче небомъ осіяный,
Задатакъ є смѣшный людска судба! —
Людскій животъ сновидѣнѣ страшно! —
Човѣкъ изгнать за врата чудествахъ,
Онъ самъ собомъ чудо сочинява;
Човѣкъ бачень на бурну брежину,
Тайномъ рукомъ смѣлога случая,
Сиромашанъ безъ надзирателя
Подъ вліянѣмъ тайнога промысла. —

Онъ се сѣха прве свое славе,
 Онъ снїєва пресретнѣ блаженство,
 Ал' нѣгови снови и сѣханя
 Крыю му се я'ко одъ погледа,
 Бѣже хитро у мрачнымъ врстама
 У лѣтописъ обширный вѣчности,
 Само што му тамнїємъ проласкомъ
 Трагъ жалости на душу оставе,
 Те се трза бадава изъ ланца,
 Да за собомъ проникне мрачности. —

Човѣкъ баченъ подъ облачну сферу
 Прима л' овдѣ оба зачатїя?
 Ёл' му овдѣ двострука колевка?
 Ёл' му земля творцемъ одреѣена
 За наказу какву таинствену,
 Ал' награду бурну и времену,
 Ал' разсадникъ духовногъ блаженства? —
 Ахъ, ово є найвиша тайна,
 И духовне найстрашнїє буре,
 Овога су у гробу ключеви. —

Колико самъ и колико путахъ,
 Дубокїємъ заузетъ мыслима,
 У цвїетно слоно природино
 Хранећи се питателнымъ сокомъ
 Изъ нѣ сисе голе и прелестне,
 Матерь штедру запытива' смѣло,
 Рад' часа є твораць сатворио:
 Ради л' ѣце свое многобройне?
 Али ѣцу за нѣ удовольства?
 Ал' обоє єдно рад' другога? —

Но времена питателница ми,
 Окићена цвѣтнимъ временомъ,
 Окрунѣна сунчанымъ зракама,
 Али власе цвѣтне плетући,
 Бисерномъ ихъ росомъ насиплюћи
 При играню свѣтлокосыхъ звѣздахъ,
 Да дичнїя на ютро изыде
 Предъ очима свога владоца,
 На сва моя жарка любопытства
 Смѣхомъ ми одговара нѣнымъ. —

Колико самъ и колико путахъ
 Сводъ плаветный неба свештенога,
 Бриліантнымъ засїятъ сѣменомъ,
 Заклиняю душою запалѣномъ,
 Да ми свету одкрїе таїну:
 Али га є твораць украсїю,
 Велику му кнѣигу отворїю,
 Да тварь слави творца и блаженство.
 Ал' да човѣкъ на нѣ листу чита
 Ништавило прекомѣрно свое. —

Съ вниманїемъ самъ земальске мудраце
 Попрошава' о судби човѣка,
 О званїю нѣговомъ предъ Богомъ;
 Но нѣихове различне доказе
 Непостоянность колеба ужасна,
 Све нѣихъ мысли на єдно сабране
 Друго ништа непредставляю ми
 До крозь мраке жедно тумаранѣ,
 До нїємогъ єдногъ нарѣчїя,
 До погледа с' мракомъ угашена. —

Сномъ є човѣкъ успаванъ тежкіємъ,
 У комъ види страшна привидѣня,
 И єдва се опредѣлитъ може
 Да му быће у ньима не спада;
 Онъ помисли да є неке путе
 Одъ сна овогъ освободіо се;
 Ахъ, нѣгове преварне надежде!
 Онъ є тада себе утопіо
 У сна царство тврђе и мрачнїе
 И на позоръ страшній сновидѣня. —

Хитрость му є и лукавство дато,
 Само теке да є членъ достойный
 На земальскій саямъ несмысленый,
 Волѣ му є основъ положена
 На крылима непостояности,
 Желя му є страстихъ ужаснїехъ
 Побудитель, руковођа слѣпый;
 Злоћа, зависть, адско наслѣдіє,
 Ово чойка ниже скота ставля, —
 Умъ га опеть съ безсмртныма равни!

У временомъ и бурномъ жилишту
 Човѣку є сређа непозната,
 Права сређа, за комъ вѣчно трчи,
 Онъ іой незна мѣре ни границе:
 Што се више къ врху славе пенѣ,
 То є виши сређе неприятель.
 Наша земля, мати милїонахъ,
 Сына єдногъ не можъ вѣнчатъ сређомъ.
 Самовладцемъ кадъ постане нѣнымъ
 Тадъ наздрави чашомъ Херкуловомъ. —

Наше жизни пролѣће е кратко,
 Знойно лѣто за ньиме слѣдуе,
 Смутна есенъ и ледена зима,
 Данъ за даномъ вѣнчае се токомъ
 Свакій нашомъ по на особъ мукомъ;
 Нема дана, кои мы желимо,
 Нит' блаженства, за коимъ чезнемо.
 Ко ће вѣтаръ лудый зауздати?
 Кол' пучини забранит' кипѣти?
 Кол' границу жельи назначити? —

У чойка е еданъ храмъ воздвигнутъ,
 Зла обитель туге и жалости;
 Свакій смртный на земли рођеный
 Овомъ мрачномъ обителю влада,
 Подъ кое се сводомъ отровниємъ
 Мученія времена гныезде,
 Ово грко наслѣдіе людско
 Човѣкъ чойку, човѣкъ себи дава,
 Найсретнѣи га изъ ништа ствараю,
 Ради смртне тужне армоніе. —

Човѣкъ органъ доста слабый има,
 Да изрази свое чувствованѣ,
 Зато знаке различите дава,
 Различита тѣлодвиженія,
 Умна чувства да обѣлодани;
 Но сви наши слаби изговори,
 И сва наша слаба чувствованя,
 Спрамъ онога што бы шѣли казат',
 Ніємо су сплетно нарѣчіе
 И клапнянѣ душе погребене.

С' точке сваке погледай човѣка!
 Како хоѣшь суди о човѣку!
 Тайна чойку човѣкъ е найвиша. —
 Тварь е творца човѣкъ изабрана!
 Ако истокъ сунце свѣтло раѣа,
 Ако быѣ ври у луче сѣйне,
 Ако земля привиѣнѣ нѣ,
 Душа людска есте безсамртна,
 Мы смо искра у смртну прашину,
 Мы смо луча тамомъ обузета. —

О свевишный творче непостижный!
 У човѣка искра безпредѣлногъ,
 Ума твога огледа се свѣтла,
 Ка' сводъ ѿданъ одъ твоє палате,
 Што с' огледа у пучину нашу,
 Данъ ти свѣтлость круне показує,
 Ноѣ порфире твоє таинствене,
 Непонятна чюдества дивотахъ;
 Твори ти слаба дѣла не постиже.
 Само што се тобомъ восхиѣава. —

Питоагоре и ты Епикуре!
 Зли тиряни душе безсамртне,
 Мрачанъ ли васъ облакъ покрыва
 И све ваше послѣдователъ;
 Вы сте людско име унизили
 И званіє предъ Богомъ човѣка,
 Єдначеѣ га са безсловесношчу,
 Небу грабеѣ искру божествену,
 Съ коєга е скочила огњишта,
 У скотске е селеѣи мртвило. —

Будалама кадъ бы вѣровали
 Поете су поколѣнѣ лудо;
 Нашу сферу да ноћь неполази,
 Был' овако лице неба сяло?
 Безъ острієхъ зубахъ ледне зиме,
 Бы'л топлоте благодсть познавали?
 Безъ будалахъ тупога погледа,
 Был' умови могли блистат' свѣтли?
 Свемогућство — светомъ тайномъ шапти
 Само души пламена поете. —

Све дивоте неба и небесахъ,
 Све што цвѣта лучамъ свештеніємъ,
 Мірови ли, ал' умови были;
 Све прелести смртне и безсмртне,
 Што є скупа ово свеколико,
 До обштега оца поезія?
 Званіє є свештено поете,
 Гласъ є нѣговъ неба вліяніє,
 Луча свѣтла руководитель му,
 Діалектъ му величество творца. —

Дивный пѣвче Србске народности!
 Бичъ си судбе веће испытао:
 Свієтъ жельи незна угодити. —
 Судба ти є и моя позната,
 Мыслимъ нейма подобне на земљи,
 До вратахъ самъ изника Тартара,
 Адъ на мене са проклетствомъ рыче,
 Сва му гледамъ гадна позоришта;
 Ал' на судбу викати несміємъ —
 Надежда ми вольомъ творца блиста! . . — —

Я одъ тебе іоште много иштемъ!
 Да поставишь у пламтеће врсте
 Предъ очима Србства и Славянства
 Обилића, Ђорђа и Душана,
 И іоштъ кога Србскога хероя —
 Да прогрмишь хуломъ страховитомъ
 На Вуицу, Вука, Вукашина,
 Богомрске Србства одпаднике;
 Злоћа њима мрачи име Срба,
 Тартаръ имъ в наказа малена! —

П Ъ С Н А 1.

Тежко ли се у полеть пуштати
 На лаѣицы крылахъ распетієхъ
 Безъ кормила и безъ руковође
 У безкрайный океанъ воздушный,
 Ёе су сунца само капль свѣтле,
 А мірови єдва видне искре;
 Ёе ужасне буре господствую
 Ока смртну отворит' не даю,
 Веѣъ га гоне у мрачно жилиште,
 Богъ зна каквомъ судьбомъ назначено!

Правдо, рукомъ Творца освештана!
 Ты, кое є име свуда свето
 До границе зракахъ свієтлієхъ,
 Заштити ме штитомъ могуіємъ
 Одъ олуяхъ кораблѣкрушнієхъ!
 Ево жертва съ олтара чистога!
 Не даду іой право къ небу иѣи,
 На кога є славу сажежена.
 Поклоника виѣи сиромаха,
 Како плови моремъ къ свєтилишту;

Готово є смрзнуть побожношу,
 Носи завѣтъ на олтаръ Вышнѣга,
 На нь се буре съ яросу пуштаю,
 Ёраю га тамо и овамо,
 Мучеѣи га стравомъ погибіе,
 Докъ га баце у бездну кипеѣу. —
 Богъ убіо ту безпутну силу!
 Коя твоє попире законе,
 Коя пуни мракомъ и ужасомъ
 Нашъ оризонть и нашу судьбину.

У ноѣ, страшномъ буромъ разѣчану,
 Сину мени зрака предъ очима,
 И гласъ зачухъ, каю гласъ ангела:
 „Я самъ душе твоє помрачене!
 Зрака сѣйна огня безсмертнога,
 Многъ се сѣнашь, шта си изгубіо;
 Бадава ти ватрени поете
 Сатвараю и кличу богинѣ,
 Я єдина мраке проницавамъ,
 И допиремъ на небесна врата. —“

Пой ми дакле, безсмертна твари!
 Страшно твоє съ неба паденіе,
 И времено твоє заточенѣ
 У юдоли туге и жалости
 Каква те є сила нечестива
 Да сагрѣшишь Богу превластила,
 Да вѣчнога попирешъ законе?
 Што є ярость безсмертнога Творца
 На зло твоє толико разжегло?
 Причай мени тужну твою судьбу!

Ахъ, страшного твоего паденія!
 Ахъ, ужаса, што смртне постиже!
 Тужного смо мученія жертва
 Радъ пагубногъ тога преступленя;
 Забораве санъ те обузео,
 Те си прво блажено бытіе
 И источникъ безсамртне среће,
 Райска поля, вѣчито блаженство,
 Животворный погледъ Створителя,
 Заборави несрећной предала.

Изтргнисе, искро божествена!
 Изъ наручя мрачне владалице,
 Поднгнисе на свієтла крыла.
 Разпали се пламомъ безсмртности,
 Скини мене са очихъ моієхъ
 Непрозрачну смртности завѣсу,
 Тупе мое одтргни погледе
 Одъ метежа овогъ ништожнога,
 Уведи ихъ у поля блажена,
 У творенѣмъ освештаномъ храму,

Да обширну видимъ колієвку;
 У коіой се вѣчність одньихала,
 Из кое є у крыла удрила,
 У безкрайный просторъ улећела,
 Одъ свачієхъ скрыла се погледа
 До єднога, кои све прониче
 У обширно светилиште быћа,
 Ће с' рађаю сунца и мірови.
 Ће вѣнчано быће с' зачатіємъ,
 Ће се дуси безсмртношчу вкрсте.

Поведи ме у небесна поля,
 Да погледамъ блажено жилиште,
 Ђе си и ты никла и живила,
 Слѣдуюћи стопамъ Архангела
 На безсмртнымъ и свѣтлимъ крыл'ма
 Подъ знамень'ма славомъ развіянымъ,
 Светомъ славомъ небесне блакости,
 Како што му и сада слѣдуєшь
 По блатнойзи и мрачной юдоли,
 У окову мртве тѣлесине.

„Я самъ твоя искра безсамртна!“
 Рече мени свѣтла идеа,
 Водићу те къ вѣчному огњишту,
 Одъ коєгъ самъ и я излехела,
 Већ теготный оковъ физическій
 Збацы с' себе, освободи га се,
 Подъ ту҃иємъ не стеньи бременомъ;
 Онъ в стручакъ слабый и неякій
 За махъ смртна само изникао,
 Онъ в ручакъ гада пузе҃нега.“

То изусти, рече: „слѣдуй за мною!“
 Одведе ме у царство свѣтовахъ,
 Како капля росе са цвѣта,
 Или зрнце леда прозрачнога,
 При погледу свѣтлого сунца,
 Што у небо дигну слабе зраке,
 И я пламте҃' величествомъ неба
 Подобно самъ ньима урадио:
 Некакво ме свойство дигло тамо,
 Некакавъ ме светый магнетъ тегли.

Ево слабе и малене искре
 Међу сунца пламтеће свѣтове,
 Што богатствомъ лучахъ безсмртніехъ
 Потапаю просторъ и мірове!
 Да! искра в светлость породила,
 Океанъ су капль саставиле;
 Светый твораць величествомъ сяе
 У искрама како у сунцама,
 У смртныма ка у божествама,
 Све му скупа свемогуће слави!

Шестъ небесахъ коловитныхъ прећемъ,
 Шестъ млечніехъ прелетимъ путовахъ,
 Велю сферу играюћихъ шарахъ,
 Кои вѣчно свѣтла движеня
 У правильнымъ колим' извршую,
 Коя имъ в рука свемогућа
 Начертала пресветомъ мудросћу.
 Ахъ ты тайно, Богу текъ извѣстна!
 Саставъ ове пресилне машине,
 Коя креће безбройне мірове

Петъ небесахъ неподвижныхъ прећемъ
 Слѣдуюћи зрачицы идее,
 Безконечно види овдѣ царство
 Величества, постоянства мірахъ!
 Просторъ имъ в шири разстояня,
 Нег' подвижнымъ много свѣтовима;
 Ал' се виде зракомъ облачени,
 Како морски велики острови,
 Кадъ ихъ зима снігомъ обуче,
 Те ихъ пловаць изъ дальине гледа.

Устав' полеть, искро божествена!
 Кругъ смо давно прешли возможности,
 Небесне су прешлясте зраке,
 Могу вредит' смртноме погледу,
 Небесный в просторъ безконечанъ.
 Вообраза сила деликатна.
 Къи небесна услиша ми молбу,
 И на десно кругъ полета сави
 Путь єднога міра великого,
 На свѣтломъ му брегу починамо.

Свѣтлосћу ми видъ очихъ пораженъ
 Величествомъ нѣговіємъ чувства,
 Те я паднемъ на брієгъ кристалный,
 И затворимъ очи са рукама,
 Не сміємъ ихъ отворит' никако.
 Чуємъ гласе безсмртне музике
 И небесну нѣну армонію,
 Коя сладость благодатну лів,
 Гласъ нѣнъ мою душу забунѣну
 Божественымъ страца електризмомъ.

Докъ ме неко за руку дохвати,
 И позва ме пріятніємъ гласомъ:
 „Диг' се твари общегъ створителя!
 Те ты хитре наслађуй погледе
 У предивна створенія божа,
 Предъ великимъ предпріятіама
 Некъ се крыє име опасности;
 Сви свѣтови безъ очихъ су мрачни.
 Ободри ме сынъ безсмртный неба,
 И справи ме на брегъ непознатый.

Любопитство духе безсмертне
 Сроило є око мене кругомъ,
 Ал' погледи благи и проницни
 Єднога се съ мене не мицаху,
 У нѣмъ сяше света симпатія. —
 О блаженный сыне превѣчнога!
 Я му рекохъ умилнїемъ гласомъ,
 Што те моя судба занимава,
 Те ти знаке божественно лице
 Живомъ бригомъ за ме изражава?

„Высока ме воля назначила
 За ангела твога Хранителя,
 Одъ дужности свете не одступамъ,
 Коликъ зрака одъ свѣтлога сунца;
 Ты како си кругъ земный прешао,
 Уску сферу безумногъ метежа,
 Я самъ тебе пазити почео,
 Крозь гомиле провео громавахъ,
 Коима є ваше поднебіє
 Вазда тежко и претоварено.

Бы ли смѣла забунѣна душа
 Претрѣ' оковъ смртне тѣлесине
 Безъ свештене волѣ створителя,
 По простору леѣет' небесноме,
 Тражит' прво блажено жилиште
 Тражит' судьбу свога паденія?
 Све што блатной земли принадлежи,
 То о небу понятія нема;
 Духовный є животъ на небеси,
 Матеріє у царству гнѣлости.

Сва, безсмертна! виде намѣреня,
 Тражишь узрокъ твога паденія,
 Свудь ѣу тебе кудъ хоѣшь водити,
 Я жалостну вашу знадемъ судьбу.
 Ахъ, Божество, творцемъ назначено!
 Заръ толико могуѣга творца
 Наша мрачна занимава судба,
 Да атому єдномъ мыслеѣму
 Дѣ божество таквога качества,
 Да г' у поля води міродржна!

Хайде за мною по зрачномъ брієгу,
 Постоянствомъ окрунѣна міра,
 Те ободри ухилѣну душу,
 Величествомъ неба разнесену!
 Поведе ме сретный духъ небесный,
 Како майка устрашена сынка,
 Што га води нѣжно милуюѣи,
 Докъ га себи врати и утѣши;
 На брежулякъ єданъ одъ топаза
 Изидемо и на нѣмъ сѣдемо.

„Ето небо, кудъ ѣемо леѣети!“
 Каза ми га са снїєжномъ рукомъ
 И благости пунїємъ погледомъ,
 На нь є престоль міросїятеля,
 Те у свѣтлость быѣе окупао, —
 Юштъ Богъ нек' зна што ми ангель прича,
 Но я погледъ путь неба исправихъ,
 И занешень не чухъ ангела,
 Веѣ трепетомъ свѣтъ свѣтовахъ гледахъ,
 И сладка ме немоѣь обузела.

„Сва ти овде гину понятія,
 Вообрази сами себе гоне,
 И губе се у неизвѣстности!
 Одъ свіѣта, на комъ мы сѣѣасмо,
 До небеса престолодржнога
 Разстоянѣ преужасно бѣше —
 Сто пут' више землѣ одъ Урана,
 Савъ небосклонъ, што могахъ виѣети,
 Мірѣ міровахъ бѣше напуніо
 Са своіемъ свіетліемъ шаромъ.

Изъ нѣга се луче безсамртне
 На све стране рѣкама сипаху,
 Ко' кадъ твораць могућіемъ словомъ
 Нашу землю у вѣтаръ развіє,
 И у тренућъ земни океани
 Кадъ се проспу сребрнимъ струяма
 У пропасти бездне мраковите,
 Тако теку изобилно луче,
 Са добротомъ своіомъ безсамртномъ,
 У просторе обширнога быћа.

Крозъ валове небесне свѣтлости
 Миріаде лећаху кометахъ,
 Са наглосћу своіомъ прекомѣрномъ,
 На све стране тамо и овамо,
 Неке къ небу, а неке одъ неба,
 Како оно трудолюбне пчеле,
 Кадъ имъ рука благодатна Творца
 Са штедрошћу проспе манну сладку,
 Те узавру тамо и овамо
 На вѣнчано са тишиномъ ютро.“

Хранителю, превѣчнога сыне!
 Шта шарићи они мали значе,
 У пламеномъ овомъ поднебію
 Те се дижу, спуштаю правилно,
 Тмасти ничу къ небу свештеноме,
 А свѣтли се къ низу спуштаваю?
 Божественый на ме взоръ окрену,
 Вѣнчанъ вѣчномъ красотомъ младости,
 Ликъ бы дивный нѣговъ помрачію
 Сва прелестна раѣаня Авроре!

„Они шари, што се къ небу дижу,
 Те се виде у свѣтлой сфери
 Како лопте тмасте и беззрачне,
 То су сунца, вожди созвѣздяхъ,
 Избѣжаю изъ мрачнога нѣдра
 По свештенной вољи міродавца,
 На небесна чотыр' края иду,
 Да се крсте у безсмртну свѣтлость,
 Окрунѣни свѣтлосћу вѣчитомъ
 На вѣчно се царованѣ врѣу.„

Поведе ме мало понапріедъ,
 „Гледай, каже, на лѣву страну!
 Те шаръ види онай поголемый,
 Те пружае црнократке луче;
 Онъ єдиный у простору свѣтломъ
 У црну є облаченъ порфиру,
 Зла свакога найлюѣе крайности,
 Подъ єдномъ су у нь круномъ сабрание,
 Онъ катедру мрачну сочинява
 Позоришта свакогъ ужаснога —

Адъ се зове, царъ му є Сатана,
 Мрачна душа, неба ненавистникъ;
 Зло є нѣму єдина утѣха,
 Онъ се са зломъ вѣчно обручію,
 Злу є жертву принію велику:
 Шестый дію небесногъ воинства,
 Лишію ихъ блаженства светога
 У мрачно ихъ царство повукао
 На безъ конца мученія страшна,
 Знаѣшъ и вамъ што є урадію!“

Како море иза страшне буре,
 Присудствіємъ духа оставлѣно,
 Уморено силніємъ напрегомъ,
 Прескачући природну границу,
 Утрућено изтегне се лећи
 У пѣшчану свою колієвку:
 Тако исто моя слаба душа,
 Занешена творца чудесима
 За границе воображенія,
 У дубоко падне униніє;

Крылатога лишена мечтаня,
 Мрачне іой се отворе пропасти,
 Са ужасомъ да є гладне прождру;
 Уплашена страшніємъ вићенѣмъ,
 Узтрепета ка' свештена птица,
 Поћерата смртніємъ крицыма
 Нарушника мира воздушнога,
 На край бѣше дошла паденія,
 Но хранитель крылахъ снієжнієхъ
 Свештенымъ є магнетизмомъ спасе.

„Сини, каже, огнѣмъ створителя!
 Ты си искра за небо створена,
 Безсмртніємъ Богомъ помазана;
 Шта те къ людской вуче колієвцы,
 Ће куканѣ и плачъ окрунѣно,
 Ће вѣнчана глушость са тирянствомъ,
 Ће се само радъ несреће людске
 Боготвори Цезаръ съ Александромъ,
 Ће прелести смртне свеколике
 Теке лицемъ изъ глубине вире!“

Повратимъ се и отворимъ очи,
 Хранителю безсмртноме речемъ:
 Духъ нїѣданъ обштегъ створителя
 Безъ силе се небы согласіо
 Ярамъ носит' смртнога окова;
 Ко бы игда съ добре волѣ хтіо
 Безумнога пожелѣт' метежа,
 Ће зло гнуєно свагда торжествує,
 Ће свакъ знаме одъ раздора носи,
 Ће гнѣилоћа душе каменує?

Судба наша, отрова є чаша,
 Вѣчне судбе свети су закони,
 Цѣла быћа нѣима су покорна.
 Види човѣкъ своє заточенѣ,
 Помало се прве славе сѣћа,
 И полети къ небу како муња;
 Ал' га смртный ланаць заустеже
 Докле рочно одстои сужанство,
 Съ тога смртни најсяніи поете
 Съ вратахъ неба у пропасть падаю. —

2.

Како сунце дана облачнога,
 Када бацы съ ведрога запада
 Свою хитру и пламену стрѣлу
 На кристалну круну Чамалара; ¹⁾
 Тако трену безсамртный ангелъ
 На свѣтла и огнѣна крыла
 Къ небу сяйну и трону Вышнѣга
 Међу свое блажене ликове,
 Мене узе подъ зефирна крыла,
 И унесе у предѣль небесный.

Гле! идео, искро безсамртна!
 До садъ су те струе и потоцы
 Океана овогъ заносиле,
 Садъ насъ ево на изворъ чудесахъ,
 Садъ насъ ево у царство свѣтлости
 На валове тихе безконечне,
 Запалѣне огнѣмъ безсмртнїемъ,
 Вѣчнымъ огнѣмъ свештене любви,
 Овѣ наше силе исчезаю,
 Ка' погледи у току времена.

1) найвећа планина на земљи.

Мѣсто очихъ да два сунца никну,
 И идею єданъ віекъ смртный
 Да по царству небовладца прате,
 Не бы нѣини свѣтли погледи
 Величества небесне прелести
 Свеколике могли прегледати;
 Ты л' се слаба усуѣуєшь руко,
 Да опишешъ поляхъ небеснієхъ
 Величество и красоту дивну
 И ангелска вѣчна наслаждєня?

Кратке мое обратимъ погледе
 У просторе небесне равнине,
 Погледи се у прелести топе
 А єзыкъ се одъ чудєствахъ мрзне,
 Ко ѣе тебе разумѣти, творче!
 Ко л' могуѣство вообразит' твоє!
 Мрачный владаць Ада неситога
 И заточникъ изъ рая прогнанный,
 Да су могли безсамртни дуси
 Твога плана постиг' величество,

Ада име бы вѣчно остало
 Ништожносѣу нїємомъ засуто,
 Смртъ бы на гробъ нѣговъ очаяла;
 Не бы Адамъ свое легїоне
 У окове смртне окувао,
 И на жертву себе преда' съ нѣима
 Ужасима . . . смртнымъ наслѣдныма . . .
 Вельїй єси Творче и Господи!
 И чудна су творенїя твоя!
 Величеству твоему края нейма!

Планъ небесахъ премудрость є вѣчна
 Своіомъ вѣштомъ рукомъ сочинила:
 Свеколике небесне равнине
 Покрите су цвѣтнымъ ливадама,
 Май вѣчито на ньима царує,
 Боя цвѣћа вѣчна и прозрачна,
 У правилность свакій цвієть ника',
 Ка' вѣштиємъ тканѣмъ разложеный,
 Воздухъ пуне благоуханія,
 Но створена само радъ небесахъ.

На просторе китнієхъ ливадахъ
 Врсте су се непрегледне садахъ
 У правилне расуле редове,
 И на дивна кола изувиле;
 Ту се горде кедри и яблани
 И порода неизбройне дрвахъ,
 Све порода само небу сличне,
 Врхове имъ єдва зазрет' можещь
 У зелено вѣчно обучене,
 Редъ свещеный на свему царує.

Брегови су никли по равнини
 По правилу како све остало,
 Окружени китнымъ садовима,
 На ньима су дигнути престоли
 Одъ топаза и зрачна рубина
 Рад' ангелахъ првопрестолнієхъ,
 Надъ престоломъ свакоіємъ стои
 На воздуху єдно коло сяйно,
 Како што є коло Сатурново,
 Те се віє, и те зраке ліє.

По средини поляхъ обширнієхъ
 Тече рѣка воде безсмертія,
 Ньой су струє ка' прозрачне луче,
 Токъ є нѣзинъ безсмертна идеа —,
 Нѣ брегови одъ чиста рубина,
 Одъ рубина хиляде мостовахъ
 Управилне надъ ньомъ стали дуге,
 Сви редови гордієхъ фонтанахъ,
 Кои скачу у небесна поля,
 Одъ нѣ иду, у ню се повра'ћу.

Славословни ликови ангелахъ
 На безбройне хоре, легіоне
 Усіяти у блажена поля,
 Разхорена сладкогласіяма
 И химнима вѣчите любви,
 Уживаю безсмертну насладу,
 Кою смртный незна вообразит';
 Легіони опетъ неизбройни,
 На уредна ята разасути
 По небесной благодатной сфери,

Ньихаюћ' се на зефирна крыла,
 Пою пѣсне вѣчите любви. —
 Ахъ красоту небесногъ воинства
 Смртный никадъ постићи не може!
 На свакоме лицу ангелскоме
 Совршенство блиста створителя
 И прелестна божа поезія,
 На ньихова копля и стріеле
 И свіетле войничке штитове
 Клизаю се играюће зраке.

На средини непрегледне равни
 Крута се є гора узвысила,
 Основъ іой є одъ чиста рубина,
 А сва гора масса бриліантна;
 Величину горе тренодржне
 И преливе нѣзине свѣтлости
 Сви погледи и воображеня
 У понятность довести не могу.
 Ова тайна високогъ промысла
 Непостижна стои безсмертнымима.

На врхъ горе тронъ се гордый выси,
 И палата превѣчнога цара,
 Вѣчности є овде колієвка, —
 Овде се є она округила
 Светомъ рукомъ великога творца,
 Одавде є хитро полећела
 На обширно царство и господство;
 Одавде є прва искра сѣкла,
 У предѣле ноћи ускочила,
 И свѣтлости обликъ показала!

Овде су се мрске мрачне силе
 У комаде грдне раздробиле,
 И изъ владе быћа избѣжале
 У жалостно станѣ хладне смрти;
 Одавде се са свѣтлосћу прва
 Свему быћу насміяла зора;
 Овде се є безсмертіємъ правда
 На вѣчито царство сачетала;
 Одавде ти судба, воля съ умомъ,
 У єдноме избіяю ключу. —

Надъ высокимъ престоломъ престолахъ
 У воздухъ се сѣино коло креће,
 Ка' и друга што се кола крећу
 Надъ престол'ма првїехъ ангелахъ,
 Ма є оно милїоне путахъ
 Одъ свакога веће и сѣинїе;
 Мириаде сѣинїехъ сунацахъ
 О нѣму су светїемъ правиломъ
 За свїетле власе повѣшане,
 Лию свѣтлость у обширну сферу. —

То є круна Бога истиннога,
 Са коїомъ є самъ себе вѣнчао
 Надъ вѣчносћу и надъ временима,
 Подъ коїомъ є завѣтъ учинїо
 Себе самомъ на светоме трону,
 Да ће мраке гонит' за предѣле,
 И границе освѣтлити быћа;
 Да ће правде име светковати
 Са мрачносћу засути мирови,
 Како што се на небу светкує. —

Око горе престоладржеће
 Четыри су горе одъ алмаза
 Превысоке у правилномъ реду,
 Изъ нѣихъ бїю четыри фонтана
 Са живосћу пламтећїехъ лучахъ,
 Дебели се нѣихови стубови
 У правилномъ подїжу размѣру
 У обширну небодржца сферу;
 Кадъ стубове у высину попу
 Колико є с' землѣ до мѣсеца,

Онда ти се у правилне дуге
 Свию сферомъ неба блаженога,
 На четири небесне границе
 У воздушный океанъ падаю,
 Изъ безданахъ ништожности шари —
 Одъ хаоса необдѣланого
 Творителѣмъ на быће позвани
 На струе имъ роєвима лете,
 Те се крсте и надое лучахъ,
 И воздушна постаю свѣтила.

„Садъ си, мыслимъ, са свиємъ доволянъ,
 И душа се ободрила твоя!

Рече мени красный житель неба.

„Када ти є твораць допуштию,
 Да му престоль свієтлый погледашь
 И прелести рая свештенного!“

Хранителю, светый спроводниче!

На равнине непрегледна неба

Коме лику, коме легиону

Принадлежишь светієхъ жителяхъ?

„Выдишь, каже, оне легионе,

Те су близу горе троносне,

По равнини што су на гомиле

До бреговахъ рѣке безсмртія!

Оно су ти густы легиони

Михаила првопрестолного;

Я нѣгову принадлежимъ лику,

Онде ми є блажено жилиште,

Онде ми є сладко вѣкованѣ

Свемогуѣомъ вольѣмъ назначено.

Надъ наше се легионе высе
 Шестъ хилядахъ колахъ свѣтлієхъ,
 Великій є нашъ станъ зауео
 На сладостной води безсмертія
 Четыридестъ хилядахъ мостовахъ,
 Єрѣ жители неба пространога
 Могу леѣет' ка' огнѣне мунѣ,
 Могу ходит' на ноге лагане,
 Возити се, кои хоѣе, могу
 На огнѣнымъ своимъ колесницамъ.

Славогласно хоренѣ музике
 И пѣніє бесмртныхъ ликоввахъ
 Почело се бѣше утишават';
 Веѣь бієли небесни полкови
 Све мостове бѣху напунили
 Са своіємъ дивніємъ массама;
 Свакѣ се своме повраѣаше стану,
 Некій пѣшкомъ, а некій на крыла,
 Непрегледне нѣихове станове
 Прекрылише бѣлымъ околима.

Крылатоме подобно облаку,
 Кадъ га гледашъ съ високе планине
 Ушикана тихіємъ зефиромъ,
 Кадъ се спушти у цвѣтна поля
 На велике и бієле массе,
 Да зефирна поодмори крыла
 На коврима цвѣтна пролѣѣа;
 Видъ подобный безсмертногѣ воинства
 Представляху обширни станови
 На польима блажене радости.

„Ево ! рече сладкогласный ангель,
 Садъ ѣе време быти одъ одиха,
 Што вы кодъ васъ ноу называте.“
 Напрієдъ ми разказа явлѣня,
 Коя ѣе се у нѣмъ показати —
 Докъ одъ єдномъ сву небесну сферу
 Прикры шаторъ чистого кристала,
 Но бієлогъ и непрозрачнога,
 Заустави теченіє лучахъ,
 Лаку свѣтлость у небо усія.

Дивный шаторъ бѣше преобширный
 Са высокимъ своимъ идеама
 Вѣшта рука Творца украсила,
 Са блистанѣмъ сваке струке бояхъ
 Играюћихъ на зрачномъ прозраку;
 Ту леѣаше вѣчность окрунѣна,
 Вѣшто своє полете сноваше
 На крылима тамо и овамо,
 Часомъ у врхъ, часомъ у низину
 Таинственомъ покрыта завѣсомъ ;

За нѣомъ време са великомъ хукомъ
 На зефирна слѣдоваше крыла
 У широке своє коловрате,
 Неѣе ли є како ухватити.
 Радимости ове неуморне
 И силнога нѣгова напрега
 Нико себи представитъ неможе,
 Али своє цѣлы постиѣ неѣе,
 Брѣ вѣковахъ мати безбройнієхъ
 Има лакша него сѣнка крыла.

Друга бѣше прозрачна идеа
 Изваяна на кристалный шаторъ,
 Свемогућа поезіа Творца,
 Окрунѣна круномъ творенія;
 Све красоте, кое быће има,
 И умъ творца сѣйный безпредѣльный,
 Кое види у царство свѣтлости,
 Подъ томъ круномъ бѣху окрунѣне,
 На томъ лицу бѣху изражене,
 У сѣйности светогъ совершенства.

Планъ небесахъ предъ собою гледаше
 И прелести правилнога вкуса,
 Хиляде ти божієхъ духовахъ
 Занешени нѣойзи ревноваху,
 Опивени нѣномъ поезіомъ
 По блієдомъ тумараху свѣту,
 И ствараху различне предмете;
 Но привидна нѣина творенія
 Бѣжаху имъ одъ слабога вида,
 Ка што куле сновидѣня бѣже.

Изнадъ тихе небесне равнине
 Миліони леѣху шаровахъ
 На уредна кола и редове,
 Коликъ луна на телескопъ видна,
 А лунина цвѣта и свѣтлости;
 На нѣихъ бѣше безсамртна рука
 Различите извезла планове,
 Побієде и веселя неба
 Са бояма разнимъ украшене,
 Те у прозракъ весело блистаху.

Ахъ , честитый створителя сыне !
 Чудеснога овога виђеня !
 Свакій вечеръ , хранитель ми каже,
 Нове , дивне , безсмртне идее
 У нашу се сферу світляю,
 И данъ свакій неба свештенога
 Насъ честита новымъ наслађенѣмъ,
 Нови гласи безсмртне музике
 Наша китна поля потрясаю
 Новомъ славомъ творца могућега ! —

Уста ангелъ на зефирна крыла,
 Поведе ме у наприєдъ мало
 Кодъ єднога источника малогъ :
 „Ту ты сѣди ; и воде се напій
 Са бистрога тога источника,
 Она ће ти у право одкрити
 Страшну судьбу твога паденія !“
 То изрече , и хитро полеће
 У свіетле своє легіоне,
 Ка' звієзда с' запада къ истоку.

Одлазакъ ме мога Хранителя
 У плачевну тугу повргао,
 Ка' сироче кадъ се оца лиши,
 И остане у свѣтскомъ метежу
 На произволь необуздне судьбе.
 По дугоме мрачномъ тугованю
 Напїємъ се воде съ источника,
 Одкры мени несретню судьбину,
 Ка предмете што за собомъ видишь
 У свіетломъ лицу огледала.

Др҃вѣнѣмъ вѣнчанъмъ вѣнчанъмъ , ахъ
 Небесахъ вѣнчанъмъ вѣнчанъмъ
 Свѣтлымъ вѣнчанъмъ вѣнчанъмъ
 Окруженъмъ вѣнчанъмъ вѣнчанъмъ , ахъ
 Свѣтлымъ вѣнчанъмъ вѣнчанъмъ
 И вѣнчанъмъ вѣнчанъмъ вѣнчанъмъ
 Небесахъ вѣнчанъмъ вѣнчанъмъ , ахъ
 Небесахъ вѣнчанъмъ вѣнчанъмъ
 На томъ вѣнчанъмъ вѣнчанъмъ
 Небесахъ вѣнчанъмъ вѣнчанъмъ

3.

Свемогуій на тронъ сѣдіаше,
 Тайнственнымъ украшень порфиромъ,
 Творителномъ занятъ поезіомъ ;
 Къ престолу му свѣтломе мірови
 Изъ' мрачнаго царства изницаху,
 Ка' у ноіи одъ страшного пожара
 Крозь облаке одъ густога дыма
 Што роима избѣжаю искре
 Къ своду дивну неба плаветного,
 Презируіи несносну стихію.

Бѣше света круна міродавца
 Своимъ видомъ небо украсила,
 Бѣху нѣнымъ пламомъ веселіемъ
 Узиграла небесна свѣтила
 И сребрне струє безсмертія.
 Два войводе небесного воинства
 Одлеѣше къ престолу Вышнѣга
 На огнѣне свое колеснице,
 Спровоѣени съ много легіонахъ
 И съ грмлявомъ небесне музике.

Ходъ се нѣиховъ уподобит' може
 Хучну ходу два морска войводе,
 Кадъ се дигну на бієла крыла
 И веселымъ лете океаномъ,
 А око нѣихъ у дугачке врсте
 Играюћи просиплю с' валови;
 Тако дивно небесно воинство
 Два воиводе свое сировоѣаше.
 У дворъ сѣйный уѣоше войводе,
 А воинство се с' славомъ хучномъ врати.

„Ахъ, преблагій отче безсмртія!
 Рече Богу Михаилъ Архангелъ,
 „„Безпрестано твой умъ пресвѣтлый
 Творителномъ блиста поезіомъ,
 Жертва ти се благодаренія
 На све сѣйне сажиде мірове
 У чистоти лучахъ огнѣнієхъ,
 Ал' за твоє силно попеченѣ,
 И за твою нѣжностъ отеческу
 Малене су жертве твореніяхъ.

Изабрано мое твореніє!
 Ты си сунце меѣу духовима,
 Само теби єданъ є подобанъ! — “
 Рече нѣму творацъ свемогућій:
 „„Я самъ єданъ, кои стварат' могу,
 И кои самъ свемогућствомъ вѣнчанъ;
 Єдномє є све покорно мени
 У просторе и за просторима;
 Да одъ свете одступимъ дужности
 Мраке царство бы остало вѣчно,

Бы міровахъ число, непонятно
 Никомъ другомъ до мени самому,
 Подъ хаосне остало облаке
 Закопано у нѣдра мрачности. —
 Колико самъ я посла имао,
 Докъ самъ време отео мракама
 Изъ ньинога ланца и тавнице!
 Пуштио га да лети свободно
 По обширной држави вѣчности
 И по царству свѣтлого лица.

Бѣше гдно єдномъ мрачно царство
 Свуда свою владу разширило,
 И нѣгови наказни ликови
 Улазаху у поля небесна
 (Те грдобе и тієхъ изродахъ
 До я нико вообразит' незна),
 Само што се свештенойзи гори
 И момъ трону примаѣ' несміяху,
 Єрь ихъ мои пламени погледи
 Са ужасомъ страшніємъ дробяху.

Ове гдне массе несмыслене
 Покорне су мени вазда были,
 И у свою мрачну колієвку,
 На сломѣне свое коловрате,
 Одъ вида ми стрмоглавъ скакале;
 Но нѣніємъ мртвіємъ правиломъ
 Чесче бы се путахъ извлачили,
 Докле дигохъ круну надъ престоломъ.
 Ударъ овый првый и найсяйный
 Ньихово є раздробіо царство. —

Побѣђене моіомъ круномъ сѣйномъ
 Сакрыше се у густе гомиле
 У просторе мртвієхъ безданахъ,
 Тамо своє мртве и плачевне
 Сатвараю са смрћу фигуре
 По гнусноме нѣховоме вкусу.
 Што се више твореніємъ пружамъ
 Све се нѣино царство умалює;
 Врѣме ће и къ той цѣљи доћи,
 Да се бездне мрачне освѣтле.

Зажега' самъ я пламене буре
 У предѣле ноћи и хаоса,
 Те ми буде сунца и мірове
 Одъ сна хладна и превѣчитога;
 Тамо свѣтлостъ ужасне побѣде
 Надъ нѣмымъ царствомъ одржава,
 Разпространя свѣтле границе,
 И позыва на сладко бытіє
 Изъ смртнога обширнога лона
 Многобройне заточнике таме.““

„Источниче, среће безсмртнієхъ!
 И надеждо права и свѣтла
 Усопшієхъ у бездне міровахъ!
 Коієма слѣпо мртвило
 Неда познат' великога творца,
 Отеческо благоутробіє,
 Рече Гаврійль отцу безсмртноме,
 И на нѣине небройне ликове
 Заждиће се жертва къ твоє трону,
 Свеће теби пламат' признаношћу.

Началниче густієхъ редовахъ !
 Сяйно сунце межу безсмертнымиа !
 Кадъ пламови зракахъ свієтлієхъ
 Ноїне массе и нѣзино лице
 Сажде огнѣмъ своимъ свієтліємъ,
 И расплачу у свієтле зраке,
 Мрачне точке кадъ нигде nebude
 До предѣлахъ нити за предѣле,
 Кадъ іой обликъ прегнусный погине
 Кадъ сви краи запламте свѣтлосчу,

Два войводе, небесни првѣнцы !
 Тадъ ѣе общыи твораць починути,
 И свой свєтый завѣтъ испунити ;
 Тадъ ѣе міри и простори страшни
 Сладкогласномъ грмѣт' армоніємъ,
 Вѣчне среѣе и вѣчне любви ;
 Тадъ ѣе моя отеческа душа
 Радо притеѣ' къ сладкоме покою,
 И безсмертномъ гледат' довольносчу,
 Среѣомъ свое твари окрунѣне.

Ахъ, свеобщыи оче благодущный !
 Єднымъ гласомъ оба Архангела,
 Имаюѣи таквогъ творителя
 Величествомъ неизмѣрнымъ душе,
 Коя свакогъ добра совершенства
 Надвисує и у себе храни,
 Требало бы да све густе мраке,
 Сви мірови у нѣихъ закопати,
 Похитаю воскресенѣмъ сами,
 Да ти преѣе свѣтло лице виде.“

„„Два войводе свѣтлієхъ полковахъ!
 Я самъ, каже, самъ по себе быо,
 Быт' по себе веѣь ништа не може,
 Єрь є противъ закона природе,
 Коя печать мой на лице носи
 Све некъ краче своіємъ временемъ,
 Кога вѣнчатъ на безсамртіє
 Тренуѣ' су му вѣкахъ миліони,
 Корацы су мои божествени,
 Но я могу то назват' просторомъ.

Два найсяйнїй мои творенїя
 Меѣу свѣма безсмртнымъ дусима!
 Како име обширногъ простора
 Разумѣти вама се допушта?“
 Михаилъ му тихимъ гласомъ рече:
 „Онъ є теби єдномє извѣстанъ;
 Ево како я о нѣму мыслимъ:
 Шаръ небеса престолодржнога
 Найсяйнїй є и найвеѣи, зна се,
 Средина є онъ простора свега;

Око нѣга колахъ небеснієхъ
 Миліони воображамъ да су,
 Нека число и умножимъ колахъ
 У найвеѣи степенъ счисленїя,
 Што безсмртно твоє творенїє
 Вообразит' своимъ умомъ може —
 Насїята кола са сунцыма;
 Свако суице предводи мірове,
 Колика си коме обредіо,
 А мїръ свакій свою сферу има.

Међу кола мећемъ разстоянѣ,
 Ради славе Божескога вкуса —
 Кола даля ближа обузимлю,
 Ка' шаръ већи што обузме маньи,
 Съ тога коло, што є коє далѣ,
 Ёсте выше сувыше шаровахъ;
 Иза овогъ, те самъ изказао,
 Я допиремъ до границе мракахъ,
 Мракахъ мећемъ колико свѣтлости;
 Я овако просторъ разуміємъ.“

„„Архангеле ума високога!
 Ка' духъ єданъ довольно се дижешъ,
 И честь твое чинишь створителю,
 Могућій му твораць одговара:
 Ал' простора незнашь значеніє:
 Просторъ мракахъ и просторъ свѣтлости,
 Коє умомъ твоимъ воображашъ,
 Да се цѣла ова два простора
 У шаръ єданъ зракахъ свієтлієхъ
 Преобрате и правилно слію,

И шаръ овай да се пружи право
 У найтаню, што мож' постић' жицу
 Преко равни ужасни простора,
 Овай просторъ, што бы ова жица
 Са танчиномъ свѣтломъ проникнула
 У простору ономъ ужасноме,
 Кога крає я єданъ постижемъ,
 Бы ти быо само єдна точка.
 Умъ є само єданъ безъ границе,
 Сви су други кратковидни уми. — А

Чудо ми є! свемогуїїй рече,
 Войводама неба свештенога,
 Їе, ми у дворъ съ вама ніє доша'
 Другъ вамъ чиномъ єднакїй сатана,
 Єрь сте често скупа долазили,
 Ка' небесни воєначалниці?
 Истина є, сви безсмертни дуси
 Да свободе права уживаю,
 Свашто раде, што є ньима драго
 По лакоме и светомъ правилу. — “

„Свѣтилниче, правдомъ окрунѣный!
 Гаврїїль рече оцу превѣчномуе,
 Правила су твоя освештана;
 Ньиховїємъ премудрымъ порядкомъ,
 Планъ се краси неба и небесахъ,
 Мы вѣчиту срећу уживамо;
 Сатана є, нашъ другъ блистателный,
 На своєму остао престолу,
 Међу своє велике полкове
 Ньиханъ хоромъ безсмертне любви. — “

„„Архангели првопрестолниці!
 Я ѣу вама одкрыт' нешто сада,
 Што ѣе душе узколебат' ваше:
 Горда се є душа сатанина
 Облачила у хальину црну,
 Славолюбный овай воєвода
 Миръ небесный поколебат' хоѣе,
 И у вѣчну низврѣ' погибїю
 Себе самогъ и свое полкове:
 Гнѣвъ праведный оружѣ є правде! —

Ова горда и пакостна душа
 Зла є име у себе зачала,
 И развила знаме страданія,
 Зла нѣгова виђу послѣдствіе,
 И погибше твари сожалюємъ;
 Ал' є име неблагодарности
 Спрама оца погрешка найвећа:
 Свете правде строги су закони,
 Све є дужно нѣма слѣдовати
 Преступнике мой бичъ наказує. —

Грдну душу зломъ опоєника
 Мрачне буре узколебале су,
 Несмысленикъ гордый помышлява,
 Да га нїє моя моћна рука
 На тронъ гордый изъ ништа попела,
 Єре бы га мраке зацариле,
 Божескій му престоль уздигнуле,
 Па онъ тамо по своіойзи ћуди
 Да саставля новый кругъ небесахъ,
 И да дава вѣнце безсмртія.

Робъ глупости, врагъ поредка обштегъ,
 Свемогућства важность не познає,
 Мене ли се стыди чествовати,
 Коино самъ могућіємъ словомъ
 Шаръ великій неба блаженога
 Утврдіо на лакомъ воздуху,
 Коино самъ океанъ воздушный
 Насіао саянымъ островима,
 И вѣнча' ихъ светымъ магнетизмомъ,
 Те погледомъ єданъ другогъ држи?

Закони су обштега поредка
 Мой аманетъ, а животъ природе:
 Да ихъ почну сви мірови рушит',
 Моя бы се силна на нѣихъ рука
 Оружала съ ужасніємъ гнѣвомъ,
 Я быхъ све нѣихъ у грдне комате
 Раздробію, у бездне займію,
 Па быхъ друге изъ нова свѣтове
 Изъ мрачнаго лона воскреснуо,
 И на кола окрунію нѣина.

Духъ лукавый и зломъ задосный,
 Онъ є своіой погубной намѣри
 Све полкове свое обратио,
 Адама є на зло превластіо
 (Одъ васъ чиномъ млађега войводу)
 И легіонъ нѣговъ многобройный;
 Адамова лаковѣрность грдна
 И нѣгова непостоянность лика
 Бацыће ихъ у плачевно станѣ, —
 Што и наравъ ни у сну неснила. —*)

Сатанине мрачне намышляе
 Види мое свевидеће око:
 Онъ є буну зажећ' намыслио
 На равнине неба обширнаго,
 Слієпа му смѣлость показує

*) У овой строфи десетого стиха нѣма, и овай самъ я до-
 дао, кои, ако неваля в неприличує, то да се менн при-
 пише, а я молимъ за опростенѣ — Тко зна болѣ, широ-
 во му полѣ. — Свудъ' и вазда, па и овди сада;

Да ће ваше силе побѣдити,
 Мене силомъ престоль уграбити,
 Прекинути міродржний ланаць
 Подъ моіємъ привезаный трономъ,
 Све у мраке утопит' мірове!

Ослѣплѣна душа злочестіємъ
 И вѣчитомъ своїомъ погибіомъ
 Мысли са мною владу дієлити,
 Дієлити свемогуѣство са мною,
 Послѣ скупа міротворцы да смо;
 Адаму є почестъ обеѣао
 Послѣ насъ два найвышу на небо;
 Войника є одъ обадва лика
 Обеѣао свакогъ окрунити
 По надъ єднымъ великіемъ міромъ. — ““

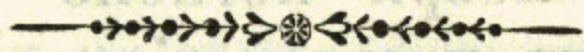
„Ахъ, пресилный и преблагій оче!
 Архангела оба єдногласно,
 Чудо да насъ у кристалне ступце
 Те крайности двіє несмрзоше
 Кодъ твоега трона пресвѣтлога:
 Премогуѣе твоє божественно
 И слѣпота духа сатанина.
 Ко да съ тобомъ, оче, силу мѣри?
 Съ тобомъ коме одъ єднога слова
 Узтрепеѣу бездне и мірови! —

Ахъ, пресветый, милостивый творче!
 Слабо наше услыши моленѣ
 За преблагость божествене душе!
 Твой праведный гнѣєвъ застави
 Одъ вѣчнога оногъ несретника

И злієхъ му у зло помотнѣикахъ :
 Те су на прагъ дошли погибіє
 Атомъ уђе у сунчану зраку,
 То ли не ће у немирну душу;
 Да'ко дођу къ себи изгубницы !“

„„Отрвносћу надоена душа
 И зависћу слѣпомъ запалѣна,
 Рече твораць воєначалниц'ма,
 Путь истине нигда виђет' не ће,
 Ни вкусити среће безсамртне :
 Ко правдине попире законе
 Карателя има ужаснога ;
 Сатана є, лишенъ светилишта,
 На гнѣвъ творца обратио страшный,
 Злу вѣчноме подига катедру. —

До какве є онъ доша' глупости,
 Да прекине ланаць міродржный !
 Шта ће тужна помислит' будала :
 Да є ланаць міродржный свезанъ
 За алмазне небройне стубове,
 Те се высе у моіой палати;
 Незна да є ланаць міродржный
 Свемогуће слово створителя,
 Коє просторъ пуни міровима,
 А мірове сретнымъ ангелима ! — ““

4.

Данъ къ вечеру бѣше веѣтъ нагнуо
 У цвѣтне небесне равнине,
 Два вѣчана славомъ полководца
 Улѣгоше у густе полкове
 Врага неба, а несреѣе оца.
 Ка' двѣ лаѣ крылахъ надутієхъ,
 Када иду ускіємъ каналомъ
 Крозь покрыте снієгомъ равнине;
 Тако они крозь бієле масе
 Погублѣне войске пролазаху. —
 „Ахъ сатано, равночинный брате!
 Михайль му поче говорити,
 Какве черте виѣу я погубне
 На твой образъ и на све остале!
 Заръ се єси рѣшию доиста
 Испытати гнѣвъ праведный творца,
 И у вѣчну поврѣ' погибію
 Себе самогъ и све легіоне,
 Те су твоіой власти подчинѣни
 И твоіойзи круни Архангелской?

Заръ се смієшь врагомъ зліємъ назват'
 Оца свога и оца міровахъ,
 Кои те є изъ єдногъ атома
 У вѣчнаго претворію духа,
 Окрунію круномъ архангелскомъ,
 Да уживашь вѣчите сладости
 У предѣле неба блаженога?
 Ахъ сатано, обрати погледе!
 Виђи престоль оца превѣчнаго!
 Онъ є старій начала и конца!

Обрати се, душе изгублѣна!
 Пролій топле сузе покаяня
 Предъ обштіємъ творцемъ милостніємъ;
 Познай име свемогуће што є
 И значенѣ твоє прама нѣга;
 Изжен' таму изъ слієпа ума
 И злу зависть изъ пакостне душе!
 Благій твораць многомилостивъ є,
 Опрости ѣе твоє заблужденѣ,
 Причислит' те у вѣчно блаженство.“

„Не! не!“ гласомъ крупніємъ прогрімъ
 Злый губитель душахъ безсмертнієхъ,
 Да га чує станъ бунтовный цѣо,
 „Михаиле, подобный ми чиномъ
 Али духомъ много нижи мене!
 Єрь ти душа како моя ніє
 Благородномъ гордосћу заждена,
 Прощенія не иште сатана,
 Благородна моя намѣреня
 Небо чує, а знаѣе мірови! —

Грка су ми сва блаженства неба
 Докъ постигнемъ мое намѣренѣ
 И правило друго быѣу дадемъ,
 Непознаемъ име свемогуѣ,
 Съ коіемъ ми толико грозите.
 Радъ часа є вашъ владалацъ гордый
 Мене одъ сна будіо вѣчнога
 И дружину мою благородну,
 Кадъ намъ круне самодржавія
 Ставитъ ніє на главе мыслію?

Я быхъ воли да самъ вѣчно оста'
 Усна мирной влади и наручю
 Са свомъ моіомъ свієтломъ дружиномъ
 Него ѣе самъ на свієтъ изиша'
 Да умножимъ гордость поноситу
 Несноснога мога противника;
 Неѣе нигда сатанина душа
 Умножаватъ славу противника;
 Не ѣе нигда сатанина уста
 Похвале му слова изгласити.

Веѣъ є хитра сатанина душа
 Мрачну тайну дивно разгледала,
 И у ню самъ чисто разабрао
 Прошлу судьбу гордієхъ небесахъ,
 И како є гордый владацъ неба
 Свемогуѣство себи присвоіо
 И просторомъ страшнымъ завладао.
 Мога быѣа чита' самъ причину
 И судьбину мою свуколику
 И дружине мое благородне.

Што се гордый непріятель дичи,
 Да є тобожь мене сатворіо
 И свієтле моє легіоне;
 Тайный случай нашъ є отаць быо,
 Навлаштито насъ є сатворіо,
 Да правило быѹ сачинимо
 И гордости метнемо границу,
 Да съ гордіємъ владцемъ небесніємъ
 Дієлимо владу и могуѣство,
 Да имамо сви єднака права! —

Страшна судба првієхъ небесахъ,
 О коіой є помислит' ужасно
 Она даде смѣломъ грабителю
 Случай згоданъ те просторъ завлада,
 И присвои име свемогуѣе
 Своіомъ вольомъ, своимъ согласіємъ. —
 Ово страшно падєнь небесахъ
 Начало му у тмине унесе,
 Тме вѣковахъ вѣчно непроходне
 Око нѣга нагомила кругомъ.

Просторъ цѣо у стара времена
 Бѣше свѣтлимъ засут' шаровима,
 Лица таме нигѣ было ніє. —
 Шаръ свакои єдне величине,
 Са нашіємъ свакій єднакъ небомъ
 У свѣтлости и у обширности.
 Высіо се у свакій шаръ престоль,
 Како што є нашъ престоль врховный,
 На престоль є у сваков небо
 Владаць быо єданъ окрунѣный.

Величину првієхъ небесахъ
 Изненада рокъ ужасный стиже:
 Некаква ти погубна судьбина
 Узколеба просторъ и мірове,
 И буре се страшне разгрмѣше
 У прошлога океана¹⁾ нѣдра,
 Мірогубни стреси зачестише,
 Часъ суѣный зазвони свѣтлости,
 На велику и ужасну жертву,
 Гладне бездне отворише уста! —

У тренуѣе ока лаганого
 Сва божества съ престолахъ надоше,
 Сви стрмоглавъ міри полеѣеше,
 Сви се хукомъ стравичномъ скрушише
 На жертвеникъ мрачне владалице.
 Позоришта мога престрашнога
 Сви умови представит' не могу:
 Кадъ итаху къ погребу шарови
 Ёданъ другоъ у леть раздрабляху,
 На комате леѣаху къ безднама! —

Сви мірови съ обширна простора
 Къ погибїи вѣчной одлеѣеше,
 Ёданъ само што невредимъ оста,
 По некаквой слѣпой судьбини,
 На коме се гордый престоль выси
 Противника мога ужаснога,
 Ё кудъ среѣа! да є и онъ тада
 У гробницу пануо міровахъ,
 И премирне да є ноѣи царство
 Свудъ свѣтлости погасило зраку!

¹⁾ вовдушный.

На злу судьбу паліхъ небесахъ
 Ношь и пустошь царство уздигоше!
 Но сліепе ове владалице
 Безсилне се одмахъ поклонише
 Упорноме своємє сопернику!
 Дѣятелный властитель небесный
 Изъ хаоса здроблѣныхъ небесахъ
 Поче мале стварати мірове,
 Слабыма ихъ пунитъ жителяма,
 Како же му све покорно быти. —

Ево случай! са ужасомъ крикну,
 Съ коіємъ в смѣлый владаць неба
 Свемогуѣства име получію!
 Ал' сатана одкрыва тайну:
 На обширне небесне равнине
 Иштемъ владу да подієлимо,
 И небеса пала воздвигнемо,
 Првый законъ да природи дамо,
 Некъ се свакій са врховномъ власѣу
 На свомъ небу горди и велича! —

Знамъ я силу мога соперника
 И нѣгово постоянство страшно,
 Ал' се кунемъ свієтлымъ оружѣмъ
 И моіємъ непобѣднымъ штитомъ,
 Са храбросѣу моієхъ войводахъ,
 Свимъ оружѣмъ мога легіона,
 Искреносѣу лика Адамова,
 Да намѣру испунитъ хоѣємо,
 Ал' сви жертва быти благородна:
 Вѣчанъ покой вѣчно в блаженство! — “

Вождь погубный кадь рієчь изрече
 Пуну къ творцу отровне зависти,
 Миліони єкнуше гласовахъ
 У развратне, одметне полкове,
 Поздравля га съ удивлѣнїемъ свакій,
 Єдногласно вѣрность изражую.
 Колеблю се густы легіони
 Ка' по равни сазрела житія,
 Коя косу къ погибїи брусє
 Кадь ихъ луди узмутє вихори.

„О зависти преотровне жертво!
 Виновницы вѣчне погибіє!“
 Гаврійль поче Архангель зборити;
 Но хуленя хиляде криковахъ
 На вышнѣга и на два войводе
 Око нѣихъ се почеше хорити,
 Гаврійлову рієчь пресѣкоше.
 Дигоше се два вѣрни войводе,
 На зефирна полеѣеше крыла
 Међу свое блажене полкове. —

Сатанини злоумышлѣницы
 Иду къ нѣму съ общтегъ договора:
 Алзєнкъ, Илзхудъ и Алзавалгъ гордый,
 Обєнизремъ и Яобазъ злєбный,
 Злєме цару тежку круну даю,
 Съ коїємъ круне свою погибію
 Обштомъ вольомъ изгублѣне войске.
 Злѣй владалаць кадь се са зломъ вѣнча
 Поздрави му одсвудъ загрмѣше;
 Онъ вѣрности гордо захвалює. —

Ево Адамъ! ево Ноелопанъ,
 Ево Разецъ и ево Аскела
 Одъ ныхова несретнѣга лика
 Одпадника неба поздравляю,
 Куну му се быт' дружина вѣрна
 Само свою рѣчь да одржи,
 Да ихъ круни самодржавіємъ
 По надъ єднымъ, ка є река, міромъ.
 Ахъ несретный роде славолюбный!
 Скупо ли те та погрѣшка стаде!

Домноу, вѣкъ почитае вѣкъ
 втонѣжвѣдъ лѣни покой мѣхит
 Проврже се стравништу се еже
 У нѣ се расире развѣше знаменіа
 Крѣковнѣ та хорѣ хуленіа
 вѣтъ крѣковнѣ у нѣ є узвѣдіо,
 вѣтъ крѣковнѣ крѣтивнѣ
 Славомъ рѣчюма опитѣхъ лѣтомъ
 Молѣбно та обитиѣмъ движѣніемъ
 вѣтъ є небо рѣчнѣ познѣло,
 Да испита какъ заєсѣуженнѣ!

Да вѣнчана вѣрнѣ станиши лѣдѣ
 Прирѣчнѣ хѣтро лѣтѣне,
 Жѣдно хѣтѣ крѣковнѣ дою,
 Рѣчнѣ стѣмъ хуленіа
 Мрѣвно дѣше лѣтѣ обитниа
 Да вѣнчана се рѣчѣ лѣтѣ
 На поличѣ лѣтѣ лѣтѣ
 Се обѣнчана стѣмъ лѣтѣ лѣтѣ
 Мрѣвно стѣмъ лѣтѣ лѣтѣ
 На вѣнчана лѣтѣ лѣтѣ лѣтѣ

Войдѣ гдѣ нѣбо Носило
 Пуву нѣ гдѣ нѣбо Носило
 Милѣ нѣ гдѣ нѣбо Носило
 У разорѣ нѣбо Носило
 Падѣ нѣ гдѣ нѣбо Носило
 Навога нѣ гдѣ нѣбо Носило
 Колѣблѣ нѣ гдѣ нѣбо Носило
 По нѣбо гдѣ нѣбо Носило
 А нѣбо гдѣ нѣбо Носило
 С нѣбо гдѣ нѣбо Носило

5.

Тихій покой неба блаженога
 Проврже се страшнымъ позорищемъ
 У нь се распре развише знамена,
 Крикови га хоре хуленія,
 Рать кровавый у нь є узавріо,
 Легіонахъ стравична кретаня
 Славомъ ратномъ опитієхъ лютомъ
 Колеблю га обштымъ движеніємъ,
 Врагъ є неба грдный похитао,
 Да испита наказъ заслуженый!

Два вишиѣга вѣрни воєводе
 Приправляю хитро легіоне,
 Жедно хите кровавome бою,
 Разпалѣни гаднымъ хуленіємъ
 Мрачне душе неба одметника;
 Дугачки се реде легіони
 На поляне неба пространога
 Съ обадвіє стране на пореду;
 Други стое ка массе облачне
 На воздуху къ бою приправлѣни.

Видъ подобный оку представляю
 Погледъ гордый сѣверныхъ лѣсовахъ,
 Кадъ ихъ зима у кипу обуче,
 И надъ нѣма на преведромъ небу
 Кадъ се облакъ на поли раздвои,
 Те у двіе непрегледне массе
 Съ два противна узмуѣна вѣтра,
 Видъ ти таквый два страшны воинства
 Представляху на поля небесна,
 Къ кровавой се борби готовеѣи.

Ломномъ екомъ войничке музыке
 Спровоѣеномъ ратнымъ восклицыма
 Затутѣше небесне равнине:
 Бой се ужди меѣу безсмртныма
 У найвыши степенъ свирѣпости,
 Ревниви се надскачу войводе,
 Ко не веѣу храбрость показати.
 Вѣрни творцу казат' усрдіе,
 А невѣрни къ цѣльи напрезаю,
 Да свемоѣнымъ трономъ завладаю.

О слѣпоѣомъ опоена злобо!
 О зла жертво душе изгублѣне!
 Рать сте дигли на свемогуѣега —!
 Бы несретнѣи мореходцы преѣе,
 Постигнуты кораблѣкрушенѣмъ
 На средину бучна океана,
 Кадъ окрену сунцу на раѣанѣ
 Тражеѣ' у нѣмъ себи спасенія,
 Преѣе сунце рукамъ докучили,
 Но вы моѣнымъ трономъ завладали.

Сви ледови два противне Пола,
 Те на двіє массе почиваю,
 И сломѣни напоромъ вѣтровахъ,
 Те у санте иду и комате
 По простору немирнієхъ поляхъ,
 Не просиплю толико стрієлахъ
 Ка' двѣ войске єдна противъ друге,
 Не казую толико полома
 Ка' у борби што небесной видишь
 Изломѣна штита и оружя.

Два дни свѣтла, двіє ноћи сяйнемоу.
 У ярости бой єднакій трая:
 Съ обѣ стране безсмертне войникевъ
 На гомиле видишь повалѣне,
 Сви у люте ране огрезнули,
 Ма се напій воде безсмертія,
 Мало тугуй па издрави одмахъ,
 На хиляде удвоисе виде
 По воздуху и по равнинама
 Безъ велике мѣшаніє массахъ.

Копля, мачи и пламене стрѣле
 Ангелскомъ су крвлю обоєни;
 Маньи, выши безсмертни войводе
 На огнѣнымъ лете колесницамъ,
 Опоени войничкомъ храброшю
 Страшну борбу войсцы показую;
 Многи, лютымъ постигнуть ранама,
 Свргнуть падне с' свое колеснице
 На равнине межу редовима
 Двіє войске крвлю окупате.

Треће ютро позоришта страшна,
 Кадъ заигра у поля небесна,
 Адамъ съ ликомъ своіємъ одступи
 Изъ несрећна боя погубнога
 Са дубокимъ душе покаянѣмъ.
 На нѣга се с' жестокошћу срде
 Ноелопанъ, Разецъ и Аскела
 И остали многи првіенцы,
 Што именовъ стыднога издайства
 Честь помрачи свога легіона.

О подчини мени воєводе!
 Коєно є славолюбѣ слѣпо
 И пламена слава брана дигла
 С' согласіємъ моимъ воєвати
 На своєга свемогућегъ творца,
 Не дижите гласа противъ мене,
 Погрѣшку самъ поздно грдну позна'
 Безразсудно наше заблућенѣ,
 И што важи име свемогућій,
 Гробъ є одиртъ наше погибіє! —

На огнѣной летећ' колесницы
 Предъ свануће санъ ме лакій стиже,
 У нѣмъ вићехъ страшно видѣніє
 На наказу творца разгнѣвлѣна.
 Та є сила и гнѣєвъ праведный
 Мою тужну заблућену душу
 Уплашила и оледенила.
 Страшно бѣше луду преступнику
 Свевышиѣга оца могућега
 Обучена гнѣвомъ погледати!

Послѣ страшна нѣгова караня,
 Кога небо іоштѣ виђело нїє,
 Легіони два вѣрне войводе
 Забунѣна погнаше сатану
 И нѣгову изгублѣну войску,
 На границе неба дођераше,
 Угнаше ихъ у бездну неситу
 Разпламану смрадливомъ стихіомъ,
 Богомрскій царъ са своіомъ войскомъ
 У горећу потонуше бездну. —

Бичъ праведный свемогуће руке
 Када угна одметника неба
 У кипећу пламеномъ пучину,
 Онда войнство побієдоносно,
 Предвођено съ два свое войводе,
 На насъ силомъ непобѣдномъ удри,
 Займи и насъ страшніємъ крицыма
 Изъ небесногъ блаженогъ жилишта
 Трагомъ нашегъ злога превластника,
 Злу побѣду да съ нымъ дієлимо.

Свето слово премилостна оца
 Насъ съ границе вѣчне погибіє
 Свемогућомъ вольомъ заустави,
 Вѣрни небу тада легіони
 У окове тежке и плачевне
 Све насъ листомъ оковаше яко,
 На шаръ мрачный необдѣланъ некій
 Насъ бацыше да ланце носимо,
 Ће блаженства споменъ изчезава,
 Ће мрачносћу сфера узбунѣна! —

Зла причина и зла предвѣштатель
 Кадъ злу судьбу легіону каза,
 На нѣхова божествена лица
 Воцари се ухиленѣ мртво,
 Погибе имѣ живость божествена
 На движена и на нѣина лица.
 Видѣ фамилѣ числа великога,
 Кадъ се лиши свѣтле надежде
 И съ гроба се ухилѣна враѣа,
 Представляху полцы Адамови.

Врагъ небесный са слѣпомъ яросѣу
 Све єднако битку продужує
 И све жесѣу и очаянію,
 Онѣ ужасне примѣре храбрости
 Казиваше на попришту бойномъ,
 Око нѣга страшне мѣшаніє
 Представляху туште безсмртникахъ,
 Трудно бѣше неба одпадника
 И воєне нѣгове полкове
 Надвладати у крвавой битки.

Треїй данакъ са стравичномъ хукомъ
 Веѣ пребѣжа равнине небесне.
 Вечеромъ се два войводе вѣрни
 Представише творцу предѣ престоломъ,
 Премилостна оца умоляю,
 Да оружя одѣ обіє войске
 Смртоноснымъ наостри ударомъ:
 Веѣ хуленя, кажу, сатанина
 И нѣгове неразсудне войске
 Насъ су вргла у очаяніє.

„„Небу, каже, два вѣрни войводе!
 Завѣтъ светый вѣчно нарушити:
 Што самъ єдномъ вѣнча' безсмертіємъ,
 Смертну косу испытати не ће.
 Злобомъ къ небу враге опоене
 Я самъ чека на покаянїе,
 Мыслио самъ да ће се сѣтити
 Дара мога, вѣчнога блаженства,
 И дужности твари къ творителю,
 Неба сладкогъ увеселенїя. —

Брѣ ангела єдногъ небеснога
 Да улиєшь свето наслажденѣ
 У гордый стасъ кедра небеснога,
 Бы бездушный великашъ садовахъ
 Полетїо по небесной сфери,
 Ал' се сврха до дна растопїо
 Одъ пресладке духовне насладе;
 Ал' завису душе следенѣне
 Благодть творца єсу пренебрегле,
 Лишиле се вѣчно наслаженя.

Већ су вѣси, светый обликъ правде,
 Зломъ своїємъ гдно препунили,
 Нагнули ихъ къ своїой погибїи.
 Данъ четвртый сютра ће гранути
 На ныхъ страшнымъ гнѣвомъ наказаня
 И вѣчите нѣине погибїе,
 Чу ће сютра ударъ свемогуїй,
 Трескъ ће нѣговъ испитат' ужасный,
 Сютра ће се одзват' слава творца,
 Вы їой сїйну ликоват' побѣду! —

Сва небесна кола міродржна,
 И движима и неподвижима,
 Празноваће сютра у хорима
 Ударъ страшный могуће деснице.
 Грдне бездне мрачне и нієме,
 Сномъ вѣчніємъ мртво успаване,
 Сютра ће се затрест' єкомъ славе
 Пресилнога противника нѣина,
 Хоћу сютра ударъ дати страшный,
 Да га и я могу назват' сильнымъ! —

Неправда є сатанине душе
 Зла шаръ црный у воздухъ извела,
 Адъ се зове, злости мучилиште,
 Злога цара мрачно владѣніє.
 Врагъ се нека црный у нѣмъ неба
 Горди адскимъ самодржавіємъ,
 Заслужена то му є награда
 И нѣгову зобну легіону,
 Што су с' дигли небомъ завладати,
 Вышнѣгъ творца престола лишити.

Шаръ є овай доста поголемый
 Єдна масса црна и плачевна,
 Составъ ноћи и вѣчногъ риданя;
 Двѣ стихіє у нѣмъ су ужасне,
 Разлюћене найвышомъ крайношчу,
 Студъ и огань, раздути бурама,
 Спровоћени страшнымъ олуяма,
 На све крає царства сатанина
 Страшномъ хукомъ хоре непрестано
 У противне своє вихорове. —

Стиксъ в царство злочестива цара
 Са своіємъ кипѣнимъ волнама
 И смолніємъ смрадніємъ пламеномъ,
 Съ ледовима, съ ужаснымъ мразима,
 Деветъ-стручнымъ окружіо вѣнцемъ:
 Полу царства смолнымъ и пламеннымъ,
 Полу царства мразнымъ и леденымъ.
 Овай грднй многостручный вѣнаць
 Ври стравично у свое кругове
 Са лютосчу своіомъ мучителномъ.

Коцита ѣе плачевни валови
 Тамо потеѣ са водомъ нечистомъ
 Мученія неба одпадникахъ,
 А за нѣме Флегетонъ и Менте
 Са лютосчу ада неситога,
 Меѣу двіе противне стихіе,
 Тамо тече тайный потокъ Лете,
 На нѣмъ страже кѣри Горгонове,
 Да прегнусни неба одметницы
 Одъ струе му пріятне не вкусе. —

Мучително врага неба царство
 Нискіємъ е сводомъ наднесено
 Крута туча необдѣланого;
 По' нѣга е океанъ великій
 Смолне смрадне воде заузео,
 Коя кипи съ ужасномъ лютосчу,
 Пружаюѣи бліеде пламове
 Смртне страве и вида пунане
 Съ пламовима кола дыма смрадна,
 Те міеша мраке са блѣдносчу.

У нѣдрима гадна океана
 Хиляде се надымлю волканахъ,
 Изригаю съ мукліємъ єчанѣмъ,
 Надъ поврхость дубоке пучине
 Страшне витле дыма и пламена,
 О тучномъ ихъ своду разбіяю.
 Кадъ волкани смрадльиво дыханѣ
 У утробу распалѣну врате,
 За нѣма се ужасне пропасти
 Пуне дыма и плама отворе.

Сви брегови кипеће пучине
 Брдима су честымъ засіяти,
 Но голіємъ, вида плачевнога;
 Изъ нѣихъ бію стравични волкани,
 Кои жедну и мрачну утробу
 Пуне гадномъ смѣсомъ океана,
 И опетъ є на мрачну пучину
 Океана истога мрскога
 Блюю съ єкомъ крупномъ и ужасномъ
 У облаке дыма и пламена. —

У Тартару, царству хулителяхъ,
 Природа є све ужасе своє
 Са яросѣу найвећомъ улила;
 Природа є тамо поселила
 Сва страшила у безобразію,
 Те бѣсую и за жертвомъ рычу
 У мракама по гаднымъ волнама;
 Тамо хидре страховите фиште
 Многоглаве на велика ята
 Дигнутієхъ надъ пучиномъ главахъ.

Тамо мрзке безъ броя Ехидне
 Изъ простране и жедне утробе
 Дижу мукле и плачевне гласе;
 Химере су тамо и дракони
 На велика стада разасути,
 Са ужасомъ лете по пучини
 Дугъ природе страшный да испуне;
 Тамо зміє, величине грдне,
 Крокодили, гадна чудовишта
 У мракама чекаю Сатану. —

Тамо лете ужасне Фуріє
 Съ криковима аду приличными,
 Смирит' себе у мраке не могу,
 И ако є нѣихова стихія;
 Ёрѣ ихъ мучи зла ѣудь и опака,
 Да мученѣ свое успу црно
 На слієпе неба мутителѣ.
 Злостѣ нѣихова превосходи много
 Сваку остростѣ зуба у тартару,
 Свако жало репа отровнога.

Мрачнога є половину царства
 Грозна зима вѣчно следенила,
 Тамо мрази у степенѣ найвеѣу
 Житкости су водне скаменили,
 Меѣаве се хоре колачима,
 Свакогѣ часа горда брда пеню,
 Свакогѣ часа разносе ихъ хитро,
 Развіяю у люте вихоре,
 Тамо магле пунане снієга
 И крупнога спуштаю се града.

Два войводе, вѣрне мов слуге!
 Хуче страшно адски урагани,
 А вулканска мрачна грла єче,
 Рычу грдна тартарска страшила,
 Звече ланцы съ яросѣу уждени,
 Буче волне съ мучительскомъ букомъ,
 Свегласъ слива подъ сводомъ мрачніємъ,
 Тутњи тартаръ изъ мрачне утробе
 Страшнымъ грломъ зломъ обштега гласа
 Све за жертвомъ хулителяхъ чезне! —““

Пошто рієчь свемогуїй сврши
 И обяви вѣрнымъ войводама
 Страшну казну и погибель вѣчну
 Врага неба и сопутникахъ му,
 Архангели съ благоговѣніємъ
 Одъ Вышиѣга одоше престола
 Меѣу вѣрне небесне полкове,
 Кои страшну и кржаву борбу
 Съ царемъ ада єднако воѣаху,
 У бой хучный и они уѣоше. —

На небу се данъ четвртый яви
 Са найвишомъ бойномъ жестокошю,
 Шумъ пролама небесне равнине
 Злобне войске богохуленіємъ,
 Горда глава мрачна владоца
 Непобѣдномъ веѣь мысляше да є,
 Незна да є свое судбе чашу
 Препуніо црнога отрова,
 Часъ не види, ѣе се примакнуо,
 Да му звекне вѣчномъ погибіомъ.

У єданъ махъ, ка' да муня си ну,
 Тушта веля тежкога облака
 Бієлога у єднойзи маси
 Тронодржну сву обузе гору,
 У виду се уреди вієнца
 Правилнога, но дебљиномъ страшна,
 Па се поче врѣт' са хитриномъ
 На зефирна разлюћена крыла
 Око трона и горе свештене
 Са потресномъ преужасномъ єкомъ. —

Свеколике борбе океанахъ,
 Коє чине са крутымъ скалама
 У найвећу нѣихову бѣсноћу,
 Свеколике напоре вѣтровахъ,
 Што се чуо на земноме шару
 Противъ свієхъ густієхъ лѣсовахъ,
 Да у єданъ гласъ могућій слієшь,
 Єкъ бы нѣиховъ слабъ веома быо
 Да покаже крупну силу гласа,
 Коимъ облакъ витлећи єчаше.

Ово чудно ненадно явленѣ
 Бой кровавый на небу прекиде,
 Сви войницы вѣрни и невѣрни
 Къ Трону творца погледъ обратише,
 Ма невѣрни све єднако хуле
 Име неба и славе господа,
 Докъ свакоє небесно свѣтило
 Теченіє свое заустави,
 И свѣтлости свое половину,
 Свако врати подъ пламену круну.

Одъ єдномъ се облакъ разъчаний
 У два Пола стравично састави,
 На ньима се одъ єдномъ появи
 Колесница како сунце свѣтла,
 Хилядама муняхъ упрегнута,
 Те є возе на огнѣна крыла.
 Свемогућій на ньой сѣдіяше
 Са гнѣєвомъ вооружанъ страшнымъ.
 О како му пламени погледи
 Сієваху съ ужасномъ лютосћу! —

Пушти стрѣлу сѣйну и крылату
 Изъ своєга алмазнаго лука
 На сатану грдна одпадника,
 На нѣгове мрске легіоне,
 И крылата полеће стрієла
 У огнѣной великой колони.
 Звекъ нѣгова алмазнаго лука,
 Силну хуку нѣзина полета
 Немамъ чему нигђе уподобит',
 До нѣговой премогућой сили.

И крылата погоди стрієла
 На средину войске Богохулне,
 Ту се съ гнѣвомъ огнѣніємъ разби,
 Хиляде се крозь одпадну войску
 Одъ нѣ страшныхъ разъча громовахъ.
 Царъ тартара и нѣгова войска
 Попадаше на полъ сраженя,
 Поражени стрієломъ Вышнѣга
 И нѣніємъ пламомъ опалѣни,
 Облачени у вѣчно црнило.

Одъ удара овогъ Свевышнѣга
 Бездне хладне засуте атомомъ,
 Коє досадъ име не познаше,
 До сна хладна и тишине мртве,
 Не зефира, не луче, не гласа,
 Садъ ихъ моѣна потресе десница,
 Те іой нѣме изъ мрачне утробе
 Подѣкнуше свемогуѣомъ славомъ.
 Смрть изъ своє превѣчне гробнице
 Овай ударъ у нѣма пробуди.

Одъ Господнѣ стріеле удара
 Потресе се освѣтлѣно быѣе: —
 Непрегледна сва небесна кола,
 Мириаде свѣтлієхъ міровахъ
 Тайномъ судьбомъ и страшніємъ стресомъ
 Изъ своієхъ колахъ искочише,
 Сроише се творцу око трона,
 Свакій пунаѣ безсмртногъ воинства,
 И одъ тада вольомъ свевышнѣга
 Постадоше небесни курири.*)

Свемогуѣій побѣдитель сѣйный
 Текъ стріелу громоносну баци
 Изъ силнога и звечнога лука
 На сатану неба одпадника
 И порази невѣрне полкове,
 У тренуѣ се мунѣ упрегнуте
 У свештену творца колесницу
 Дѣгомъ къ єдној све на выше страни
 Повратише полеть колесницы;
 Господъ славе на тронъ се поврати.

*) Комета.

Заигра му круна надъ Престоломъ
 У цієлой лучесипной слави,
 И остала небесна свѣтила
 Са живошу новомъ узиграше.
 Два войводе и вѣрно воинство,
 И сва воинства стекнієхъ міровахъ
 У облачне непрегледне хоре
 Узлеѣше по блаженой сфери,
 Поюћ' славу побѣдника творца
 И любви вѣчите блаженство.

Данъ четвертый страшнога явленя
 Могућности Господнѣ деснице
 Бѣше близу свештеногъ оддыха,
 Химни свете славе починуше
 И грмляве сладкієхъ музикахъ,
 Легіони у дуге редове
 Са порядкомъ волѣ свемогуће
 Свакій къ своме летіяше міру,
 Те му га є Господъ славе силне
 Назначіо за вѣчно блаженство.

Два врховна воєначалника
 Обратише велике полкове,
 Да ћераю неба одпадника
 Изъ предѣлахъ блаженогъ жилишта
 У тартарско мрачно владѣніє
 На вѣчита нѣина мученія.
 Дивна кретня бѣше и стравична
 Вѣрне войске и побѣдоносне
 Бъ побѣђеной сатаниной войсцы
 И ужасомъ смртнымъ обузетой!

Одпадници неба устрашени
 Предъ блаженомъ побѣгоше войскомъ
 Съ криковима страве и хуленя;
 Пренесретня войска мраке цара
 Mrзакъ ли є обликъ получила
 По праведной надъ ньоме разрази:
 Црна лица, роге и репове,
 Многима се разклопила уста,
 А многима за вратъ обрнула,
 Юштъ изрода свакога гадности,

Немилостно вѣрне слуге неба
 Хулительъ свога творца гоне,
 Зло бераю с' свѣтлога дана
 У више бездне тартарове,
 На небесну догнаше границу.
 Ступъ великій мрачный сачинише
 Сатанини сопутници грдни
 Одъ вѣчнога свога паденія
 С' сяйногъ неба до пропасти ада,
 Те у страшномъ виду дубіяше.

Три дана су адски легіони
 Непрестано за ньиніємъ царемъ
 Сипали се приємъ потокомъ
 Съ края неба у утробу ада.
 Престрашно є ово позориште
 Све ужасе много надвисило:
 Кадъ падаху кривећи се полцы
 У дымльива жвала тартарова,
 Жедно тартаръ дрхтећи єчаше,
 Грду жертву радостно ждераше. —

Кадъ се сабра сила нечестива
 Подъ тучніемъ сводомъ раскалѣнымъ,
 Узавреше дреке и криванѣ
 Одъ враговахъ и одъ чудовиштахъ,
 Чиняше се да ихъ сводъ тартара
 Не ће моћи уздржат' никако,
 Него да ће треснут' у комате.
 Докъ заурла Церберъ изъ дубине,
 Да є стадо у свою торину,
 И да стражи врата одъ тартара. —

По побѣди страшной надъ сатаномъ
 Велико се собраніе стече
 У палату цара превѣчнаго :
 Архангели првопрестолницы
 И премноге хиляде сѣйнієхъ
 Херувимахъ и пакъ серафимахъ,
 Благодарє творцу могуѣму
 Радъ повратка блаженє тишине
 За свѣтлу нѣгову побѣду
 Надъ владалцемъ злости и несреѣе.

Свемогуѣій у обштемѣ скупѣ
 Наказанѣ Адамово явля :
 „Шаръ ѣу єданъ , каже , поставити
 Не далеко одъ мрачнаго ада
 Радъ временогъ тежкогъ заточєня
 Адамова и нѣгова лика,
 Шаръ ѣе овай быт' саставлѣнъ малый
 Одъ хаоса и мрачне прашине,
 Стихіє ѣу на нѣмъ поумѣрит',
 А времену непостоянность дати.

Міръ ъу грубий овай земля назват',
 Бы ъе она водомъ изобилна,
 Цієла ъе быти засѣяна
 Разногъ рода произрастѣніємъ,
 На ню ъе се животне порода
 У воздуху, води и на сухо
 Разне разсут' у изобилію:
 Ту ъе быти тихієхъ породахъ,
 А быти ъе исто граблєвїєхъ
 И отровна гада пузеѡега.

Како што самъ горду цару ада
 И нѣгову зломе легіону
 Спомень живый неба блаженога
 Рад' наказе веѡе оставію,
 Тако данасъ лишавамъ Адама
 Съ бунтовніємъ своимъ легіономъ
 Блаженога жилишта . . . спомена,
 Да ни єдна найманя частица
 У душе имъ одъ нѣг' неостане,
 Ка' да небо нїєсу гледали.

За наказу нѣхова немира
 Немирни се нѣхови духови
 У окове; блатне тѣлесине
 Єданъ вієкъ осуѡую краткій;
 Нека они чрезъ юдоль плачевну
 Ланце тежке съ бурама немира
 У стєняню пренесу горкоме;
 Нека свою непостоянность грдну
 Са проклетствомъ тамо оплакую
 У сузама и у рыданію! —

Некъ тієла своя препитаю
 Са биліємъ и нѣнымъ сѣменомъ,
 Водомъ хладномъ и са животнима.
 Ньихово ѣе кратко заточенѣ
 Быт' имъ тужно непостоянной души:
 Са плачемъ ѣе на землю падати,
 Са плачемъ ѣе на земљи живити,
 Са плачемъ се у вѣчностъ враћати,
 Мучитель ѣе єданъ другомъ быти,
 Свакій себе по особъ найвећи.

Смрть ѣу извест' изъ мрачне тавнице,
 На землю є пуштит' међу ньима
 Преодѣту у разнымъ видима,
 Нека стравомъ између ньихъ трчи,
 Чинећ' страшна опустошенія.
 Ова ѣе ихъ тиранства царица
 Немилостно съ ужасніємъ видомъ,
 Насилствено по своему праву,
 Свободити одъ тежкога ярма,
 Те ихъ враћат' у животъ духовный.

Непостоянне ньихове надежде,
 Кадъ помысле да су ихъ пристигли,
 Онда ѣе имъ далѣ измакнути.
 Ова ньина пишта прієварна
 Бы ѣе сумньомъ отрована люто;
 Лаковѣрни земальски сужнѣви
 Бичъ ѣе страшный сумнѣ испытати:
 Она ѣе ихъ свуда спроводати,
 Она ѣе ихъ свуда претѣцати,
 И погледе ньине къ будућности.

Лице смртно на земљи човѣка
 Прилично ће бити ангелскоме,
 Само теке єдну искру малу
 Вдохнут' њу му небесне любви,
 У нѣгову земноме плоћеню,
 Да му тужну и кукаву судбу
 Коликогодъ она ублажає;
 Єръ онъ опеть, ако и забунѣнъ,
 Свећеръ умно остає творенъ
 И царъ землѣ, и ако у робству. —

Човѣкъ волѣ остає свободне,
 Ка' сви други безсмртни духовн;
 Нѣгова ће душевна таблица
 Съ обѣ стране бити начертана
 Съ два са свіємъ противна закона:
 На єдну ће законъ правде благе
 Быт' у свете начертанъ линіє,
 На другу ће превластника њина
 Зла свакога црнят' се закони,
 Адскій споменъ свезе са сатаномъ. — —

Моћ' ће човѣкъ ова два закона,
 Кадъ посвети мысли моіой правди,
 Безъ никакве муке различити;
 Али адско проклетіє духа
 Човѣка ће чешче плѣнивати
 Ова борба правде и неправде,
 Што є небо три дни колебала,
 Бы ће она са свіємъ ужасомъ
 Печатана на душу човѣку,
 Да му робство горчи и колеблѣ. —

Са првіємъ Адамъ поколѣнѣмъ
 На земли ѣ люто пострадати
 Одъ сатане душегубителя,
 (Єръ ѣ Адамъ првый плоть човѣчку
 Облечити и почет' носити):
 Злый властитель ада неситога
 Довести ѣ людско поколѣнѣ
 До глупости ове преслієпе,
 Да похули на небесну свѣтлость,
 А да мрачно име обожава.

Єднога ѣ сунца зраке сѣйне
 Шаръ движимый земный освѣтляти,
 Моѣ ѣ люди са своєга шара
 На узано своє поднебіє
 Виѣет' доста моієхъ міровахъ;
 Но погубне мраке сатанине
 Ньихове ѣ заслієпит' очи,
 Мірови имъ силомъ свемогуѣомъ
 Не ѣ сѣти ньинимъ погледима,
 Міродавца похули ѣ име.

На земли ѣ хиляде божествахъ
 Ослѣплѣни сатварати люди;
 Бы ѣ ньина ништожна божества
 Све изроди у безобразію,
 Безумнога овогъ язичества
 Нечистый ѣ престоль представляти
 На глїбльивомъ єдномє брежульку,
 Коє га ѣ гади и животна
 Непрестано по врху пузати,
 Да се билѣмъ питаю разніємъ.

Ово ниско людско ослѣплѣнѣ
 Бы ꙗко злоба душе сатанине
 На похулу неба и Вышнѣга.
 Божествену мою душу нѣжну
 Заболѣе судба човѣческа,
 Я ѣу слово мое возлюблѣно
 У плоть людску послѣ облачити,
 Послати га да избави люде,
 И закономъ свете мое правде,
 Помрачене освѣтли умове.

Я самъ отаць и свѣтило правде!
 Када Адамъ съ легиономъ своимъ
 Осуѣено изврше сужанство,
 И пренесу чрезъ юдолъ плачевну
 Смртный оковъ теготнога робства,
 Могъ закона послѣдовательи
 Враѣаю се у прво блаженство;
 А закона цара злочестога
 У адъ иду слѣпи приверженцы
 У мракама вѣчногъ риданія.

Послѣ землю, ужаса катедру,
 Позориште богомрско залахъ,
 Гнѣздилиште човѣчке несреѣе,
 Са невиномъ крвлю осквернѣну,
 Отровану горкіемъ сузама,
 Коюно ꙗко вопль невиности
 Кодъ моего уклети престола,
 Ню ꙗко огань божествене правде
 У данъ судный у едно тренуѣе
 Сажеѣ' своимъ свештеніемъ пламомъ.““

Легіонахъ сретнѣи начальницы
 Полеѣше одъ трона Вышнѣга
 На огнѣне свое колеснице
 У веселе небесне равнине,
 Да светкую у сладкой любви
 Паденіе неба противника
 И роѣнѣ новогъ легіона,
 Коѣга є на вѣчно блаженство
 Свемогуѣій изъ бездне извео,
 Да намири погублѣну войску.

Свемогуѣомъ вольомъ міротворца
 Четыри се вѣтра разярише
 У дубине хладнѣхъ безданахъ,
 Те облаке страшне и дебеле
 Одъ пращине и црна хаоса,
 Изъ мрачнѣхъ дигоше нѣдарахъ,
 И са силомъ своіомъ страховитомъ
 Са сваке ихъ стране стієснише,
 И у тренуѣ ока лаганого
 Шаръ нашъ земный тамный направише.

Изъ хладного земальскога нѣдра
 Источницы водахъ потекоше,
 Сачинише океанъ обширный,
 Луче сунца животворнымъ видомъ
 Растѣнія рода свакоѣга
 На поврхность земну измамише,
 Узмилѣше стада животнѣхъ
 По воздуху, земли и водама.
 У часъ словомъ могуѣіємъ творца
 Земля доби хитро теченіе.

Адамъ пређе небесну границу
 Са своіємъ жалостніємъ ликомъ,
 Ставише ихъ предъ врата вѣчности. —
 Ево Адамъ у плоть обученый
 Са подругомъ у поля Едемска!
 Тарућ' очи одъ сна заборавае,
 Погледує сяйне луче сунца,
 Погледує дивну сопутницу,
 Погледує Едемску красоту,
 Благодари небу за милости! —

Оплакуюћ' мою забунѣну
 И сномъ тежкимъ обузету судбу,
 Видіо самъ мраке владоца
 У преварну змію претворена,
 Ће онъ пуза на зло човѣчества.
 Праматеро людскога племена!
 Отровнаго дара те прихвати!
 Купаћешь га горкіємъ сузама,
 Осипат' га плачнимъ покаянѣмъ,
 Ал' бадава, завѣтъ є нарушенъ! —

Послієдъ самъ съ ужасомъ видіо
 Прву браћу те су помилѣла,
 Плодъ любви првый божествене
 Родительску премилу утѣху,
 Царе міра єдногъ цієлога,
 Ће са крвлю братоубиственомъ
 Младо лице землѣ отроваше.
 Злобо клета! да те Богъ убіє!
 Зла поразо родительске дуще!
 Зла предсказо отровне судбине! —

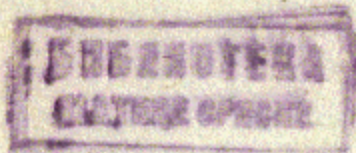
Прва се в крвлю оскврнила
 Беззакона рука Каинова,
 Првога в сунце видієло
 Убоицу Каина на земљи,
 Родителяхъ првієхъ прокльство
 На првога излило се сына.
 Каинові безбройни потомцы
 Зломъ свакіємъ землю испунише,
 Грѣхъ имъ диза море надъ горама,
 Ал' имъ злоѣе искру не погаси.

Ахъ како в земля напунѣна
 Съ идолима свакога изрода! —
 О како в лице свемогуѣе
 Мрачна глупость обезобразила!
 Таме царъ се злый обрадовао
 Видеѣ' име неба подругано,
 Видеѣ' люде, ѣе свакой мрзости
 Са тамяномъ олтарь окаѣую,
 Видеѣ' гадне зміє, крокодиле
 Да безумна слѣпость обожава.

О невини сынови природе!
 О мудрости проста найсяйнія!
 До роѣеня свѣта истинога,
 Вы пресретни поклоницы сунца!
 Вы сте вѣрни небесни сынови,
 Васъ свѣтила луче животворне
 Носе къ творцу лучахъ источнику,
 Лучъ в сяйна богословія вамъ,
 Лучъ вамъ жертву у небо уводи,
 Лучъ вамъ творца освѣтлява душу!

Гле дивнога сада видѣнія!
 Сунце правде и землю огрія,
 Храмъ се мрачный зася заточникахъ,
 Робовима олакшаше ланцы:
 Сынъ достойный оца превѣчнога
 Обука' се у челоуѣчество,
 Наоружанъ оружіемъ правде
 И стрѣлама светогъ просвѣщеня,
 Попируѣи злону и тиранство,
 Добродѣтель у храмъ освештава . . .

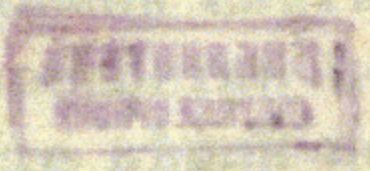
О преблагій тихій учителю!
 Сладка ли в света бистра вода
 Съ источника твога безсмертнога!
 Одъ твога су свѣтлога погледа
 Уплашене мраке исчезнуле,
 Одъ твога су хода свештенога
 Богохулный срушени олтари,
 Воскресенѣмъ смръть си поразіо,
 Небо твоіомъ хваломъ одѣкуе,
 Земля слави свога Спасителя!

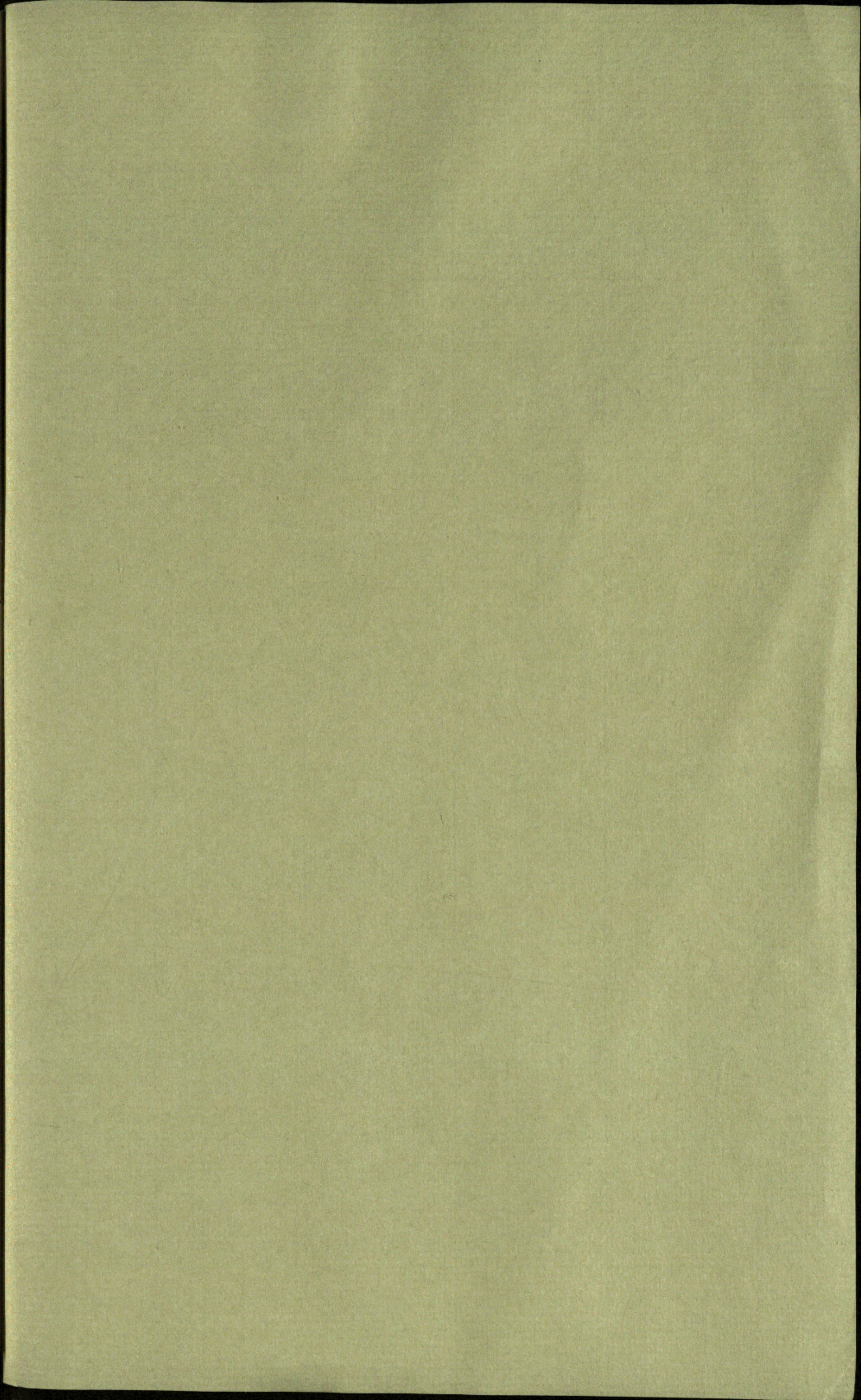

Там дивота еднъ идиши!
 Сине пряде и земно едръ,
 Храня се пряди въ златниакъ,
 Роботна олавиши. Яниши,
 Сина достойни ола прядишотъ
 Одръ, се у уелоръство,
 Нарудитъ ордъиши пряде
 И стрълаи светотъ прядиши,
 Поприши алоу и тиръство,
 Дорудитъ у храня ордъиши...

О предвѣи тихи идиши!
 Свѣла и е свѣла дитра вода
 Се исторниа твоа бозидитотъ!
 Ола твоа су свѣтотъ и ола
 Улапиши ирѣе парѣнъи,
 Ола твоа су зодъ свѣтотъи
 Болехушии срдъиши оларъи,
 Воспрѣсѣшии срдъиши си порѣио,
 Небо твоиоа храломъ одрѣи,
 Земла свѣлаи свѣла Спаситѣлаи!

О великии свѣлаи прядиши!
 О великии свѣлаи прядиши!
 Да рѣиши свѣлаи исторниа,
 Вы и свѣлаи свѣлаи свѣлаи,
 Вы и свѣлаи свѣлаи свѣлаи,
 Васъ свѣлаи свѣлаи свѣлаи,
 Вогу свѣлаи свѣлаи свѣлаи,
 Лучи свѣлаи свѣлаи свѣлаи,
 Лучи свѣлаи свѣлаи свѣлаи,
 Лучи свѣлаи свѣлаи свѣлаи,
 Лучи свѣлаи свѣлаи свѣлаи!

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

P196 III 320.1